

Родриго Кортес

Кукловод

Жизнь — театр, и люди в нем актеры.
И лучшие актеры те, кто уже мертв.

Родриго Кортес

Кукольник

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131134

Кукольник: Роман: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09605-1

Аннотация

Жизнь – театр, и люди в нем актеры. И лучшие актеры, как считает Джонатан Лоуренс, те, кто уже мертв. У него нет недостатка в таких актерах. Людей вокруг много – выбор огромен. В его труппе будут играть лучшие из лучших. Они воплотят его замысел в совершенстве. Его спектакль потрясет мир.

Содержание

Часть I	5
Часть II	77
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Родриго Кортес

Кукольник

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

Щурясь от яркого утреннего солнца, шериф Тобиас Айкен присел на корточки и, невольно задержав дыхание, осторожно потянул за край перепачканного одеяла.

– Господи Иисусе!

Как и сообщил примчавшийся прямо к шерифу домой конюх-ирландец О’Хара, головы у сэра Джереми Лоуренса не было.

Шериф стиснул зубы, тяжело поднялся и сдернул одеяло одним рывком.

Верхняя часть роскошного белого сюртука одного из крупнейших землевладельцев штата Миссисипи была обильно пропитана потемневшей кровью, а некогда подвязанный под самое горло, весь в комках свернувшейся крови шейный платок валялся в точности на месте отсеченной головы.

Шериф обернулся в сторону флигеля, в котором жила черная прислуга. Шторки из выбеленной солнцем мешковины тут же дрогнули и опали.

– То-то же... – с презрением процедил шериф и продолжил осмотр. Он знал, что глаза рабам не завяжешь, а рты не заткнешь, но вот этой откровенной распущенности, когда смерть хозяина превращается в объект любопытства и сплетен, категорически не терпел.

Судя по обилию пропитавшей землю крови, сэра Лоуренса

са убивали именно здесь, на заднем дворе. Кулаки судорожно сжаты, правая нога неестественно вывернута в сторону, но одежда цела, и следов долгой и яростной битвы за жизнь, прямо скажем, не видно.

Толстая зеленая муха с жужжанием уселась на одно из пятен, и шериф, сердито согнав ее, машинально отметил, что это пятно значительно светлее остальных.

«Что это?»

Он снова присел и вгляделся. Пятно было размером с детскую ладонь и располагалось в районе живота. Шериф наклонился к телу и повел ноздрями. От пятна отчетливо несло дешевым тростниковым ромом.

Сэр Джереми Лоуренс не употреблял рома. Тем более дешевого.

Шериф с кряхтением опустился на колено, склонился еще ниже и тщательно принюхался. Да, это определенно был обычный тростниковый, даже толком не очищенный ром. И еще... сюртук мертвеца был словно чем-то присыпан – стружка не стружка, а что-то вроде мелких растительных волокон...

Он послунывил палец и коснулся темно-коричневого волокна. Поднес палец к глазам, затем понюхал, заинтересовался и, преодолев секундную нерешительность, сунул образец в рот. Пожевал и кивнул: это был табак. Самый дешевый, даже не из листьев – из молотых стеблей.

Сэр Джереми Лоуренс не курил. Тем более... это.

Со стороны дороги послышался скрип, шериф Айкен с натужным кряхтением выпрямился и, защищая глаза от солнца, приложил широкую твердую ладонь ко лбу. Во двор въехала коляска, и из нее выскочил вызванный им из города управляющий дома Лоуренсов мистер Томсон.

– Бог мой, господин шериф! Я уже слышал! Какой ужас! Это он?

Шериф посторонился.

– Он.

Управляющий аккуратно, так, чтобы не слишком испачкаться, опустился на колени возле тела и натужно всхлипнул, а шериф отошел в сторону и задумался.

Собственно, улики – рассыпанный повсюду низкосортный табак, пролитый на сюртук дешевый неочищенный ром, да и сам способ убийства – оставляли ему только одну версию: убийца – кто-то из черных. Но вот эта-то кажущаяся самоочевидность и настораживала.

В общем-то, в его округе людей убивали частенько – в основном в пьяных драках, но чтобы это сделал раб?! Шериф Айкен прикинул: такое случилось не чаще двух раз в десятилетие, да и то... не без причины.

Последний раз такое случилось полтора года назад, в декабре сорок пятого, как раз перед рождественскими праздниками. Тогда отосланный на перевоспитание здоровенный негр задушил Джека Слоуна – пожалуй, самого известного в округе «объездчика» строптивых рабов.

Собственно, Слоун сам был виноват в таком исходе. Шериф Айкен видел этого негра за сутки до убийства и прямо предупредил Джека, что тот не справится. Более того, Айкен предложил услуги своего старого опытного констебля, но Слоун сразу насупился, увел разговор в сторону, а на следующий день было уже поздно.

Убийца, разумеется, пустился в бега, но собаки держали след хорошо, и его тем же вечером взяли, вернули на ферму Слоуна, приковали к дереву и на глазах у остальных собранных на перевоспитание со всего штата дерзких рабов обложили хворостом и подожгли.

Обычно такой показательной казни хватало как минимум на пару лет – ни побегов, ни отказов, ни малейшегослушания. Даже констебль начинал жаловаться, что пороть некого. И вот – на тебе!

«Не-ет... это не черный, – покачал головой шериф. – Они после того случая как мыши затихли!»

Предположение, что за убийством стоит белый, а негр если и был, то лишь исполнил приказ, напрашивалось само собой. Вот только ясности и эта версия не вносила. Кто-кто, а уж Айкен знал: врагов среди горожан и соседей у Лоуренса не было. Никогда. А значит, все равно придется начинать с черных.

Шериф брезгливо потрепал все еще всхлипывающего управляющего по плечу, отодвинул его в сторону, тщательно укрыв и тело, и пропитавшую землю кровь одеялом и только

тогда повернулся в сторону флигеля для прислуги и гаркнул:
– Сесилия!

Дверь флигеля хлопнула, и тучная черная кухарка, колыхая необъятным задом, засеменила в сторону белого начальства. Подбежала и – пепельно-серая от испуга – подобострастно оскалилась:

– Да, масса шериф.

– Это ведь ты тело обнаружила?

– Да, масса шериф... – вытаращила глаза толстуха.

– А шум или крики ночью слышала?

– Нет, масса шериф.

– А кто-нибудь из прислуги этой ночью из дома отлучался? Из чужих никто не приходил?

Сесилия испугалась еще больше.

– Я не знаю, масса шериф! Я спала всю ночь... Я правда не знаю!

Шериф недовольно крикнул. Ясно, что искать убийцу в самом доме бессмысленно. Сэр Лоуренс отбирал свою прислугу весьма пристрастно, хотя сколько-нибудь дерзкий раб долго здесь не задерживался – сразу отправлялся на плантацию. Но точно так же шериф Айкен знал, что юные, гибкие, как плеть, и сильные, как дикие кошки, мулатки, коими так любил окружать себя сэр Джереми, один черт предпочитали своих... а значит, есть шанс, что этой ночью кто-то куда-то бегал, а может быть, и что-то видел. И начинать нужно было с этой светленькой... как ее? Ах да – Джудит!

Оставив застывшего над одеялом управляющего преданно хлюпать носом, шериф в сопровождении кухарки неторопливо двинулся в сторону господского дома, толкнул дверь, прошел мимо замершего в поклоне старого черного Платона в гостиную и вдруг всплеснул руками: «Черт! Как же я про парнишку забыл?!»

— Где сын сэра Джереми? — повернулся он к Платону.

— В кабинете, масса шериф, — еще ниже склонил старик курчавую седую голову.

Шериф секунду помялся, но все-таки спрашивать у раба, как там себя чувствует младший Лоуренс, не стал. Тяжело поднялся по устланной ковром лестнице на второй этаж, миновал несколько темных дубовых дверей, подошел к кабинету, решительно толкнул дверь и замер.

Пятнадцатилетний Джонатан сидел за отцовским столом и, тупо уставясь на висящий на стене кабинета отцовский поясной портрет, раскачивался: вперед, назад, вперед... и снова назад.

Мгновенно взмокший от напряжения шериф отчаянно попытался найти хоть какие-нибудь слова, вытащил платок и протер лицо, снова спрятал платок в рукав, огладил горячими ладонями широкий кожаный ремень и все-таки решил — подошел и положил руку на его плечо.

— Мы поймаем убийцу, сэр, непременно поймаем.

Джонатан поднял на него пустые, ничего не видящие серые глаза.

– Вот... читаю...

– Что? – непонимающе моргнул шериф и склонился ниже. Перед Джонатаном лежал толстенный том с золотистым обрезом. – Что это?

– Сенека... – нехотя объяснил Джонатан и, видя, что до шерифа не доходит, нагнулся над книгой и, водя серым от типографской краски пальцем по странице, прочитал вслух: – «Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советчиком, и сотрапезником...»

Шериф оторопел. Он, конечно, знал, что сынок Джереми Лоуренса слывет умником, но всерьез читать книжонки вонючих северных янки, да еще когда на заднем дворе лежит, а точнее, валяется обезглавленное тело отца?!

– Это мои уроки. Отец приказал, – поймав его взгляд, дрогнувшим голосом пояснил Джонатан. – До вечера – три письма от Сенеки к Луцилию...

По спине шерифа пробежал холодок. В этом доме всегда почитали родительскую волю – что бы отец ни приказал.

Сэр Джереми точно такой же был... Господи, прими его душу!

Шериф Айкен выпрямился во весь рост, хотел было поощрительно потрепать мальчишку по рыжему загривку, но передумал. Он тоскливо взглянул в окно, прокашлялся и, пожав плечами, попятился к выходу; он не знал, что еще можно сказать юному сэру Лоуренсу.

Следующие два часа шериф Айкен пребывал в странном напряжении. Обезглавленное тело по его приказанию внесли в дом и уложили на стол, затем в сопровождении гремящего ключами Платона шериф тщательно осмотрел каждую комнату, каждую кладовую, а следом и весь двор, но ничего подозрительного ни внутри дома, ни вокруг него не обнаружил.

Не внесла ясности и последняя фаворитка покойного Джудит Вашингтон. Живущая в комнатухе под лестницей рыжеволосая и сероглазая мулатка четырнадцати лет от роду только и твердила, что масса Джереми вчера к ней в комнату не входил и к себе не вызывал, а потому она спала до тех пор, пока вышедшая по нужде Сесилия не споткнулась в темноте о тело и не подняла шум на весь дом.

Услыхав это, шериф поморщился. Он уже видел, что порочная склонность рабов сплетничать о своих господах все равно одержит верх над страхом наказания, а значит, не пройдет и полдня, как о валявшемся посреди двора обезглавленном трупе «масса Джереми» будут говорить по всему округу, причем в строгой связи с тем важным обстоятельством, что толстая Сесилия пошла по нужде.

И лишь тогда управляющий Томсон словно опомнился.

– Господи боже! У меня же три дня назад негр сбежал!

– Что за негр? – настороженно прищурился шериф. – По-

чему сразу не сказал? А ну, давай, рассказывай...

Но сразу стало ясно: не то. Просто четыре дня назад Томсон привез из Нового Орлеана свежую партию франкоговорящих негров – восьмерых, и один из них – самый старый, но и самый крепкий раб с необычным именем Аристотель – уже спустя сутки исчез.

Это была не бог весть какая зацепка. Перепроданные рабы частенько сбегали от новых господ, но вот чтобы напасть на хозяина...

– Пойдемте, – мрачно распорядился шериф. – Покажете всех, кого привезли.

Они сбежали по лестнице во двор, быстро миновали огромный сад, затем – небольшое кукурузное поле, поздоровались с караульными, вооруженными мушкетами и тесаками, и прошли в загон. И тут же оба зажали носы: лежащие вповалку негры ужасно смердели.

– Французишка чертов! Больных подсунул! – ругался управляющий. – Представьте себе, шериф: затычки им в задницы воткнул! Я только здесь понял, что у них понос!

Шериф презрительно усмехнулся. Разумеется, на аукционах жульничают... По меньшей мере, слишком старым нигерам закрашивают, а то и начисто выдергивают седину. Но главное, такой опытный управляющий, как Томсон, просто обязан был знать, что в Новом Орлеане на негров напал мор, и должен был тщательно осмотреть рабов, и особенно задний проход!

– Кто-нибудь из них по-нашему понимает? – поинтересовался шериф и легонько пнул ближайшего негра в облепленную жирными слепнями спину.

Слепни раздраженно загудели и нехотя поднялись в воздух, негр издал невнятный звук, но подняться так и не смог.

– Нет, – сокрушенно покачал головой Томсон. – По-нашему не говорят. Они же все из Луизианы... Только на французском.

– А почему платили?

– По триста пятьдесят за штуку вышло.

Шериф сокрушенно покачал головой:

– Дорого. Я бы больше двух сотен не дал. Если отваром дубовой коры каждые два часа не поить, они и суток не протянут. Всех потеряете.

Управляющий всхлипнул:

– Как я могу об этом сейчас думать? Такое несчастье! Такое несчастье...

«А может, это Томсон? – озадаченно подумал шериф и направился к выходу из загона. – Проворовался да и нанял кого-нибудь... А на беглого негра свалил...»

– О несчастье думать буду я, – медленно проговорил он, откашлявшись.

«Но зачем отрезать голову? Непонятно...»

– И не вздумайте их свининой кормить. Кстати, где у вас тут мясо разделявают?

Вопрос был задан с подвохом, и по тому, как побледнел

Томсон, шериф понял, что управляющий тоже это понял.

– Пойдемте, покажу... – облизнул губы подозреваемый номер один. – Это здесь, за деревней.

* * *

В то, что нож пропал именно отсюда, управляющий долго не мог поверить. Кухарка для черных – тощая долговязая негритянка с торчащими в разные стороны крупными белыми зубами – только разводила руками, хлопала себя по тощим бедрам и плакала.

– Я не знаю, масса Томсон! – причитала она. – Вчера здесь лежать. Сегодня смотрю – нет ножик! Не надо наказывать! Я не брат!

Управляющий покосился на шерифа. Он понял, что кухарка только что перешла в ведение полиции, и теперь никак не мог решить, должен ли он что-то делать.

– Что вы на меня смотрите?! – не выдержав, заорал шериф. – Тридцать плетей – и под стражу! – и вышел на свежий воздух.

Солнце уже довольно высоко стояло над горизонтом. Еще часа два – и работать станет решительно невозможно. Тем не менее многое следовало сделать немедленно.

– Значит, так, Томсон, – даже не оборачиваясь, раздраженно проронил он. – Всю прислугу – на прочесывание усадьбы. Попробуйте найти нож. А если повезет... в об-

щем, если и голову найдут, будет неплохо. Пусть проверяют все: дом, сад, ближайшие посадки, задний двор, выгребные ямы – все! Тех, кто работает в поле, с работы снимите. Пусть общут плантации. Каждый акр!

– Но...

– Я сказал, снимите, – с угрозой в голосе повторил шериф. – А сами поедете со мной на поиски беглого.

– Может быть, до вечера подождать? – заискивающе предложил управляющий. – Я бы соседей созвал. У Бернсайдов собаки есть... Куда мы по такой жаре? А? Господин Айкен?..

Шериф секунду помедлил, взглянул в сторону набирающего высоту солнца и вздохнул. Он и сам теперь видел, что управляющий Томсон прав, а негр... да куда он не денется: впереди несколько миль сплошных болот, а за ними еще и Миссисипи.

– Хорошо. Сбор во дворе дома Лоуренсов. На закате.

Управляющий радостно заулыбался, и шериф хмуро покачал головой.

«Разбаловал тебя, да и вас всех, сэр Лоуренс, царство ему небесное! Вот и поплатился».

Он чувствовал, что может и не найти главного преступника. Дешевый ром, рассыпанный табак, пропавший с кухни мясной нож – все эти улики ни к черту не годились! Нож наверняка утоплен, а голова сэра Джереми – вообще бог знает где! И от этих мыслей шерифу стало совсем плохо.

Соседи начали собираться уже к обеду. Загорелые, крепкие мужчины в мундирах и сюртуках один за другим проходили в гостиную, смотрели на то, что осталось от Джереми Лоуренса, и снова возвращались во двор – курить и скорбно молчать.

Но вскоре жизнь взяла свое. Кто-то сказал, что негр, познавший кровь белого человека, хуже тигра или волка, а потому казнить его нужно страшно и прилюдно, с ним тут же согласились, и разговор потек плавно и предсказуемо.

Кто-то затеял дискуссию о том, являются ли негры людьми, и это вызвало потоки разногласий. Самые начитанные и прогрессивные полагали, что негры – наиболее близкие «родственники» человека, что-то вроде африканских горилл. Но умеренное большинство настаивало на том, что негры произошли от семени младшего сына Ноя – Хама, чье потомство Божьей волей и в наказание за грехи было отдано во власть потомков Сима и Иафета.

Затем все дружно согласились, что сэра Джереми необходимо как можно скорее, пусть и без головы, похоронить – в такую-то жару... Тут беседующие разделились: одним было интереснее знать, изменит ли затяжная жара цены на рис и сахарный тростник, а другим – предстанет ли сэр Джереми перед Господом как есть, без головы, или все-таки голова ко

времени Страшного суда Божиим промыслом будет возвращена на место. И только когда приехал преподобный Джошуа Хейвард, мужчины почтительно смолкли.

– Где Джонатан? – сразу спросил преподобный.

– Где-то в доме, – хмуро ответили из толпы.

– А шериф здесь?

– Днем в деревне был, а теперь по второму разу прислугу допрашивает...

Преподобный понимающе кивнул, сделал знак следующему за ним гробовщику, прорезал толпу, стремительно вошел в дом и замер. Прикрытое одеялом тело лежало здесь, в гостиной, на огромном овальном столе красного дерева, но вот молодого сэра Джонатана Лоуренса возле покойного отца не оказалось.

«Господи, спаси и сохрани бедняжку – совсем ведь один остался!» – мысленно попросил преподобный Иисуса, оставил гробовщика возле тела, сунул шляпу Платону и, торопливо поднявшись на второй этаж, принялся заглядывать в огромные, почти пустые комнаты.

Ни в столовой, ни в библиотеке, ни в кабинете, ни в обеих спальнях он никого не обнаружил. Вздохнув, преподобный прошел в самый конец коридора и без стука вошел в приоткрытую дверь.

Это была нежилая, завешенная тяжелыми бархатными шторами, тщательно оберегаемая от посторонних глаз комната, и преподобный, как никто другой, знал подоплеку ее

истории.

Шесть лет назад, в 1841 году, мать Джонатана Элоиза сумела второй раз забеременеть – как она верно предугадала, девочкой. Сэр Джереми был настолько потрясен этой новостью, что на целых полгода прекратил свои бесконечные визиты к молодым упругим мулаткам, и в семье Лоуренс воцарилось истинно христианское благочестие.

Тогда же в этой тщательно подготовленной для долгожданной дочери комнате и появились выписанные из Парижа и Берлина, изготовленные лучшими мастерами Европы куклы. Казалось, что здесь есть все: французский мушкетер в полном обмундировании, итальянский оперный певец в костюме трубадура XI века, английская герцогиня в роскошном платье лилового бархата, рыцари, шуты, разбойники – куклам просто не было числа!

Но особой гордостью одержимого историей белой цивилизации сэра Джереми были две созданные по его особому заказу коллекции – римская и греческая. Консулы и воины, куртизанки и рабы-гладиаторы, герои и полубоги. Преподобный Джошуа, невзирая на откровенно языческий характер целого ряда персонажей, признавал: коллекция великолепна! И все это располагалось здесь, на полках высоких, до самого потолка, открытых шкафов.

Здесь же был и Джонатан. Он сидел на стуле, точно напротив выставленных, как напоказ, кукол, и смотрел перед собой.

– Господь да пребудет с тобой, – вздохнул преподобный, подходя и начиная долгий душеспасительный разговор.

Он сказал все: и то, что понимает его тоску по самым близким людям, и что сэр Джереми всегда был достойным сыном церкви Христовой и теперь радуется на небесах вместе с миссис Лоуренс и так и не родившейся безгрешной Кэтрин, и что теперь ответственность за все легла на плечи его не менее достойного сына. Но чем больше он говорил, тем лучше понимал, что Джонатан его почти не слышит. И когда преподобный окончательно в этом убедился, он просто прижал его голову к своей груди, а потом повернулся и вышел.

* * *

За два часа до захода солнца Джонатан сделал все, что накануне ему велел сделать отец: с трудом попадая шомполами в стволы, вычистил семейное оружие и, преодолевая дурноту, доиграл сам с собой дней шесть как начатую партию в шахматы. Затем на память, одно за другим, повторил все три заданных отцом письма от Сенеки к Луцилию, сверился с текстом и, тщетно пытаясь привести мысли и чувства в порядок, вернулся к своим куклам. Аккуратно расставил десятка два из них на ковре – в строгом соответствии с заключительным актом древнегреческого мифа о бегстве Амфитриты от Посейдона, а когда часы отбили восемь ударов, тихонько вышел из темной комнаты и начал собираться.

Он знал, где искать убийцу. Еще совсем мальчишкой, лет восьми, вопреки запретам родителей он исследовал прилегающие к поместью болота и в отличие от взрослых прекрасно знал, что пригодных для того, чтобы спрятаться, островков там всего два.

Он вытащил из шифоньера высокие офицерские сапоги, бережно снял с отцовского парадного мундира широкий кожаный ремень с бесчисленными петлями и подвешенным кинжалом и, ненадолго задумавшись, выбрал два пистолета.

Не то чтобы он так уж страстно хотел сам вершить правосудие. В отличие от умершей родами матери отец с его внезапными вспышками ярости, сменяемыми такой же необъяснимой холодной отстраненностью, не вызывал в Джонатане особенно теплых чувств, но вот прав он оказывался всегда. И это означало, что главные поучения отца о важности торжества правды и необходимости доводить любое дело до конца следовало исполнить, хочет он этого или нет.

Джонатан сдвинул тяжелую портьеру в сторону и осторожно выглянул в окно. Соседей во дворе стало намного больше.

Кто-то приехал с собаками, кто-то взял на охоту подрастающих сыновей, и все до единого были до предела взвинчены. Им предстояло загонять самого опасного зверя – беглого негра.

Лицо Джонатана на секунду исказила неприязненная гримаса. В отличие от всей этой публики он понимал, что

негры – самые настоящие люди, и в этом и есть главная беда. Потому что ни один зверь на земле не может ненавидеть так, как это умеет человек. И ни один зверь на земле не станет переступать через страх собственной смерти только для того, чтобы добиться своего. Негры это могли. Не все и не всегда, но могли.

* * *

К заходу солнца, лично обыскав пустующие халупы угнанных на плантации рабов и дотошно допросив прислугу, шериф пересчитал загонщиков, оценил силы, но вопреки ожиданиям первым делом распорядился снова прочесать деревню. Землевладельцы разочарованно загудели.

– Тише, прошу вас, – поднял руку шериф. – Нам все еще нужны улики: черный кухонный нож примерно десяти дюймов и... голова сэра Джереми.

Мужчины на секунду опустили глаза долу и мелко, торопливо перекрестились.

– Кроме того, – выдержав паузу, продолжил шериф, – есть основания думать, что убийцей может быть и кто-то из своих. И если он не выдержит и побежит...

– А если не побежит? – не слишком учтиво перебили шерифа.

– Тогда все пойдет, как задумано, – выхватив взглядом из толпы юного наглеца и постаравшись его запомнить, сми-

ренно развел руками шериф. – Кстати, факелы кто-нибудь с собой прихватил?

– У меня есть.

– И у меня!

– Это хорошо. Ну что, господа, начнем?

Шериф махнул рукой и, не мешкая, повел загонщиков прямо на деревню. Шансов на то, что убийца – кто-то из собственных рабов сэра Джереми, было немного, но отступить было некуда; шериф перебрал все варианты и признал за лучшее держаться избранной линии. Потому что, если кто-нибудь, особенно из тех, кого недавно наказывали, побежит, у него окажется великолепный козел отпущения для публичной расправы. И лишь в том случае, если этот расчет не оправдается, необъяснимое убийство сэра Джереми придется-таки вешать на беглого франкоговорящего негра. Но это был уже совсем негодный вариант.

Измученные многочасовым ожиданием загонщики засветили, заулюлюкали, рассыпались в цепь и, нагоняя страх одним своим видом, опережая друг друга, помчались вперед.

* * *

Когда Джонатан услышал залиvistый лай собак, он был уже довольно далеко. Оставшаяся после весеннего разлива Миссисипи вода давно отступила, и звериные тропы были сухи, а ежедневно опаляемый раскаленным солнцем камыш

даже успел пожелтеть. Впрочем, стоило отойти от натоптанных троп на шесть-семь футов, как земля начинала чавкать, а сапоги – вязнуть в черной и липкой, отдающей растительной гнилью массе.

Солнце уже садилось, и Джонатан вспомнил, как прошлой осенью ходил с отцом на охоту. Птицы было столько, что, казалось, невозможно пройти и десятка шагов, чтобы не спугнуть стаю жирующих уток. Но они искали кабана. Подобранные из наиболее толковых рабов загонщики кричали и гремели колотушками, шуршал в камышах ветер, и мир казался простым и ясным. А потом все разом изменилось.

Кабанов оказалось около дюжины, и все они шли на них, так что Джонатан едва поспевал перезаряжать отцовские мушкеты. А потом раздался такой вопль, что кровь словно остановилась в жилах, а сердце подпрыгнуло да так и застряло где-то в горле. Самый крупный кабан развернулся и атаковал загонщиков, а когда Джонатан и отец добежали, трое негров уже бились в агонии.

Джонатан никогда еще не видел ничего более страшного. Ни когда на городской площади вешали молодого вора-карманника, ни даже когда отцовский жеребец чуть не до смерти затоптал до сих пор хромящего конюха-ирландца.

Кабан буквально разрезал негров клыками, и у каждого где снизу вверх, от бедер до грудной клетки, а где и поперек тела горячая живая плоть была ровно, словно бритвой, распущена на две стороны.

Отец закричал, бросил мушкет на землю и начал стрелять в камыши из пистолетов, а Джонатан застыл как вкопанный, смотрел и не мог оторваться. Мясо у рабов оказалось ярко-алым – точь-в-точь как у людей.

Трудно сказать, чего он ожидал – может быть, что мясо у чернокожих будет коричневым, словно у диких уток... Но оно оказалось именно алым, человеческим, и в этом было что-то дьявольское.

Долго еще Джонатана посещали кошмары, буйно насыщенные именно этим, жутким в своей противоестественности сочетанием цветов – черного и красного. Но сегодня – Джонатан окинул взглядом закатный горизонт и вздохнул – краски жизни были совсем другие. Небо озаряло мир пронзительной сапфировой голубизной, и уходящий за горизонт золотисто-желтый камыш лишь подчеркивал глубину и мощь этого цвета. И то, что именно сегодня погиб отец и, возможно, погибнет кто-то еще, казалось величайшей нелепостью.

* * *

Сплошное прочесывание деревни, в которой жили рабы семьи Лоуренс, не дало ни единой новой улики. Взвинченные жарой и предвкушением крови, загонщики перевернули каждую халупу и, согнав возвращающихся с полей рабов на просторную площадку перед кухней, дважды пересчитали

всех по головам. Но уже после первого пересчета стало ясно: шериф Айкен просчитался, и, невзирая на отчетливо продемонстрированную загонщиками угрозу предстоящих расправ, никто из рабов не побежал, а значит, легкой добычи не предвидится.

В горячке шериф приказал взять под стражу старосту деревни и молодую сочную женщину, на шее у которой оказался дешевый медный крестик – именно такие хранились в особой шкатулке в доме Лоуренсов. Но все уже видели: облава закончилась полным провалом.

Недовольные шерифом, да и всем ходом событий, загонщики зло посматривали в его сторону.

– Ладно. Все! – спасая положение, торопливо взмахнул рукой шериф Айкен и первым направил свою лошадь к виднеющимся неподалеку камышам. – Теперь на болото.

– Давно бы так! – разноголосо загудели загонщики. – Выкурим черномазого!

Земля задрожала, всадники, обгоняя друг друга так, чтобы не оставаться в облаке белой пыли, начали растягиваться в цепь и в считанные минуты достигли края поля. Кто-то раздал соседям притороченные к седлу факелы, кто-то поджег первый, а от него – и остальные, и через мгновение камыш полыхнул, затрещал, и огонь, поначалу нехотя, а затем все набирая и набирая силу, пополз вперед, к реке.

Всадники рассредоточились вдоль всей линии пала и, громко перешучиваясь в нарастающем предчувствии насто-

ящей мужской забавы, медленно пустили лошадей вслед убегающему вперед огню. Вспархивали куропатки, стремительно срывались со своих излюбленных лежищ кабаны, дикие утки неисчислимыми стаями поднимались в синее небо, но все знали, что пройдет совсем немного времени, и еще до захода солнца они услышат вопль главного зверя. В том, что беглый прячется именно здесь, никто не сомневался.

* * *

Когда потянуло дымом, Джонатан одолел более двух третей пути. Он повернулся, развернулся лицом к усадьбе, встал на цыпочки и прищурился. По всей линии уже темнеющего закатного горизонта протянулась тонкая алая лента.

Джонатан оценил расстояние и силу ветра. На то, чтобы выйти к излучине, за пределы зоны пожара, у него оставалось не более получаса. А там его встретят всадники и собаки.

«И правосудие осуществят другие...»

Отец бы этого не одобрил. Джонатан вздохнул, вытер взмокший лоб рукавом, еще раз оценил расстояние до мерцающей золотом полосы огня, развернулся лицом в сторону Миссисипи и сначала неторопливо, взразвалочку, а затем все больше набирая ход, побежал. Он еще успевал исполнить свой долг.

Не более чем через четверть часа Джонатан был на месте. Здесь утоптанная тропа резко шла на подъем, а чуть дальше, в полусотне футов, на самой высокой точке островка торчало сухое корявое дерево.

Джонатан остановился, отдышался и достал первый пистолет. Взвесил на ладони и, стараясь не обращать внимания на гудение огня за спиной, поддерживая правую руку левой, попробовал хоть куда-нибудь прицелиться. Руки ощутимо подрагивали. Он опустил пистолет и оглянулся. Огонь приближался – стремительно и неостановимо. А поднявшийся к ночи ветер все нарастал.

Джонатан облизал пересохшие губы, заставил себя собраться и, внимательно оглядываясь по сторонам, в точности как учил отец, двинулся вперед. Сделал с десятков шагов, пригнулся и, задержав дыхание, приблизился к границе зарослей. Сдвинул в сторону повисшую над тропой колкую сухую плеть камыша и оцепенел.

На просторной, покрытой высохшей желтой травой поляне, буквально в десятке футов тлел небольшой костер, а перед ним на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону и опустив кудлатую седую голову на грудь, стоял здоровенный негр. Он то ли пел, то ли говорил, но почему-то от этого простенького речитатива колени у Джонатана ослабли и подо-

гнулись, по спине побежали мурашки, а в животе тоскливо заныло. И тогда, через силу вытаскивая себя из этого тягостного состояния, он встал во весь рост и шагнул вперед.

Негр словно не слышал.

Джонатан заставил себя шагнуть еще.

И еще!

С громким, отчетливым щелчком взвел курок... прицелился... и в глазах потемнело.

С той стороны костра на него смотрел отец.

* * *

Голова стояла вертикально в старательно вырытом в земле углублении и смотрела прямо на него — глаза в глаза.

Джонатана затрясло. В груди будто поселилось пекло, а руки, голова, все тело заходили ходуном, как в припадке. На долю секунды он вспомнил уроки отца и попытался справиться с этим наваждением, но ни руки, ни тело уже не слушались, а на глаза словно надвинулось темное грозное облако.

И тогда негр встал.

Время отчетливо замедлило ход, и, пока негр разворачивался и медленно, как это иногда бывает в снах, двигался к нему, Джонатан успел увидеть и тавро V, выжженное на его левой щеке, и пятна курчавых седых волос на широкой, блестящей от пота груди, и даже бесчисленные, покрывающие

его тело шрамы – каждый из них.

И так же медленно, словно в кошмарном сне, Джонатан поднял пистолет перед собой и нажал курок.

* * *

Это было последнее, что он запомнил более или менее отчетливо, потому что все, что случилось после выстрела, слилось в один непрерывный, наполненный болью, отчаянием и яростью кошмар.

Выпустив облачко синего дыма, пистолет беззвучно дернулся в его руке, и негр изумленно выкатил глаза, но идти в его сторону не перестал. Джонатан отшвырнул разряженный пистолет и выхватил второй, с трудом нащупал собачку, нажал... и только тогда плавающий в клубах порохового дыма негр отшатнулся, медленно осел вниз и так же медленно повалился назад, спиной в костер.

Джонатан, с трудом пробиваясь через качающееся, мерцающее нездешними огнями пространство, рванулся к негру и упал на колени рядом с ним.

Тот еще жил.

Это было невероятно, но он жил, даже когда Джонатан, задыхаясь от ярости – точь-в-точь как отец, – ухватил валяющийся рядом с кострищем черный кухонный нож и воткнул его в скользкую от пота и крови грудь – один раз! Второй!! Третий!!!

Он жил и когда Джонатан схватил его за седую курчавую шевелюру и, задыхаясь от ярости и заливаясь слезами, вонзил ему нож под ухо.

И даже потом, когда криво, с лохмотьями отделенная от шеи голова откатилась и замерла в сухой траве, ее веки подрагивали, а губы словно пытались что-то сказать.

Но Джонатан этого уже не видел. Бросив нож и прижав то, что осталось от отца, к груди, шатаясь и оскальзываясь на мокрой от крови траве, он добрел до протоки и, спасаясь от ревушего над головой огня, рухнул в теплую черную воду.

* * *

Когда шериф достиг последнего перед Миссисипи острова, стало ясно, что и здесь его постигла неудача. И напрасно всадники заставляли взмыленных лошадей чуть ли не прижиматься к огню, напрасно орали и улюлюкали, напрасно науськивали не рискующих сойти с тропы собак. Из жадно пожираемых огнем зарослей во множестве вылетали утки и перепелки, мимо встающих на дыбы лошадей, отчаянно вереща, выбегали стада диких свиней, но главной цели – загнать черного – загонщики так и не достигли. Дымящийся, покрытый серым горячим пеплом берег Миссисипи был пуст.

Так и не натаскав свой молодняк на живую кровь, потные, злые соседи сэра Джереми разочарованно погнали лошадей назад. Вдалеке поднялась беспорядочная пальба не желаю-

щих возвращаться с заряженным оружием горожан, а шериф устало спустился с коня и, раздосадованно качая головой, поднялся на увенчанный кривым иссохшимся стволом холм.

Он знал, что убийца никуда не денется, и пройдет не более двух-трех суток, и искусные охотники на беглых рабов доставят франкоговорящего негра в участок, где его допросят и вернут в усадьбу, чтобы наследник сэра Джереми Лоуренса, юный сэр Джонатан мог осуществить возмездие. Вот только авторитет дважды промахнувшегося шерифа это уже не спасет.

Шериф Айкен вздохнул и побрел к воде, чтобы ополоснуть разгоряченное, покрытое солью и пеплом лицо, присел и замер. Футах в десяти от берега спиной кверху плавало огромное черное тело.

– Черт!

Шериф подскочил, как ошпаренный. Секунду соображал, а затем стремительно взбежал на холм, вгляделся в горизонт и разочарованно крикнул: ни души. Обыскал глазами берег в поисках подходящей ветки, нашел одну, схватил и тут же бросил. Это прибитое волнами гнилье никуда не годилось, а на суше если что и было, так уже догорало. И тогда шериф нервно рассмеялся, покачал головой и принялся расстегивать мундир.

Он вошел в черную теплую воду протоки и сразу же по колено провалился в ил. Попытался вернуться и признал, что проще идти вперед. Аккуратно лег на живот, поочередно вытянул ноги из покрывающего дно киселя и подплыл к труп. Превозмогая себя, ухватил его за ступню и, отчаянно загребая одной рукой, поплыл к берегу. Схватился рукой за черные, опаленные огнем ветки шиповника, встал на четвереньки и, стиснув зубы от омерзения, выволок труп на сушу. И впервые за сорок девять лет жизни его сердце болезненно, словно шилом, кольнуло.

Головы у негра не было, а на месте шеи торчали алые рваные лохмотья.

– Господи Иисусе... – растерянно пробормотал шериф. – Это еще что?!

Некоторое время он приходил в себя, а потом снова спустился к протоке, преодолевая отвращение, быстро ополоснулся в отдающей гнилью воде и начал стремительно натягивать брюки.

«Кто же это сделал? – беспрерывно вертелось в его голове. – Способ убийства тот же – один к одному... но зачем?»

В принципе это мог сделать и тот, кто приказал рабу убить сэра Джереми Лоуренса. Просто чтобы убрать свидетеля. Но к чему отрезать голову? Чтобы не узнали? Или это совсем

не тот негр?

Шериф Айкен втиснул ноги в сапоги, старательно, дюйм за дюймом, обыскал островок, довольно скоро нашел среди пепла и пожухлой травы седые угли еще не до конца прогоревшего кострища, рядом – свежевыкопанное странное округлое углубление в земле, а в двух футах от него – ровное, уходящее в грунт отверстие, как если бы кто-то втыкал здесь нож.

Шериф нащупал висящие на поясе ножны, вытащил свой кинжал и, прикусив от напряжения губу, легонько ввел блестящее лезвие в отверстие. Дождался упора и удовлетворенно хмыкнул – как раз порядка десяти дюймов. Именно такой длины был похищенный из кухни нож.

На всякий случай Айкен еще раз обежал островок, убедился, что ни голов, ни пропавшего ножа здесь нет и в помине, и, не желая более терять ни одной лишней минуты, стремительно стянул щиколотки трупа веревкой, приторочил ее свободный конец к седлу, вскочил на коня и от души хлопнул его ладонью по крупу.

* * *

Джонатан добирался домой подобно сомнамбуле. Он еще помнил, как ему пришлось протоками, по грудь в воде, уходить от огня, но затем, уже в темноте, он выбрался на черную, раскаленную от солнца и пожара пустыню и здесь слов-

но выпал из времени и не помнил ни себя, ни того, что происходило вокруг, вплоть до того момента, как переступил порог дома.

В гостиной, прямо на столе стоял большой черный и уже закрытый крышкой гроб. Джонатан хрипло кликнул Платона и, не дождавшись ответа, подошел к гробу и попробовал приподнять крышку одной рукой. Не смог. Поискал глазами подходящее место, увидел стоящее на сдвинутом к зеркалу столике огромное серебряное блюдо, подошел и осторожно уложил на него перепачканную пеплом и землей отцовскую голову. Размял затекшие руки, вернулся к гробу и принялся отворачивать бронзовые фигурные шляпки болтов. Отвернул все двенадцать, ухватился за рукоять и откинул крышку до упора.

Летняя жара уже начала делать свое дело, и на него мощно пахнуло тухлятиной. Но в целом отец выглядел довольно прилично и даже красиво. Тело обрядили в парадный мундир, а место, где должна была быть голова, покрыли плотным черным платком.

Джонатан затаил дыхание и откинул платок в сторону. Это было странно, но обезглавленное тело отца в парадном офицерском мундире напоминало испорченную капризным ребенком дорогую, сложно устроенную куклу. Он провел рукой по колючей от орденов груди, поправил сморщившийся в районе пояса китель, а потом вернулся за головой. Дрожащими руками очистил ее от мелкого соломенного крошева,

выдернул запутавшийся в волосах кусок то ли тесьмы, то ли шнурка и аккуратно уложил отцовскую голову на белую атласную подушку. Бережно покрыл ее все тем же платком, на секунду задержался, а затем с грохотом захлопнул крышку и принялся заворачивать болты.

* * *

Шериф Айкен добрался до усадьбы Лоуренсов уже в темноте. Поднял управляющего, привел его к ободранному от волочения по земле и корягам телу, и тот после недолгого осмотра подтвердил: да, это, скорее всего, Аристотель Дюбуа.

– Конечно, если бы голова была на месте, было бы проще, – на всякий случай зажав нос, пробубнил управляющий, – у него на щеке тавро было такое... в виде буквы V – по фамилии владельца... Но и так видно... волосы на груди, шрамы, а главное – размеры. Вы посмотрите, какой гигант!

Шериф недовольно сморщился. Если бы это тело принадлежало кому-нибудь из местных, все было бы намного проще. А так... у этого Аристотеля просто не могло быть здесь ни друзей, ни знакомых.

«И кто же тогда мог его убить?»

– Послушайте, Томсон, – отвязывая от седла веревку, поинтересовался он. – А здесь, вокруг усадьбы, в последнее время чужих не видели? Особенно французов?

– Нет, господин шериф, – покачал головой управляющий. – За последние две недели – совершенно точно – ни одной чужой души. Ни к сэру Джереми никто не приезжал, ни ко мне.

Шериф бессильно выругался, бросил испачканную золой и кровью веревку возле обезглавленного тела и повел коня к поилке. Дождался, когда черный помощник старшего конюха наполнит ее свежей водой, отошел в сторону и вытащил сигару. Дело казалось безнадежным. Убийца мертв, а сообщник неизвестен. И значит, не миновать пересудов, ко-
сых взглядов вслед, а то и настойчивых запросов мэра – не приведи господи!

* * *

На отпевание и похороны Джереми Лоуренса съехалась вся округа, и никто не спрашивал, почему роскошный гроб наглухо завинчен, и не рвался попрощаться с сэром Лоуренсом христианским поцелуем в лоб. А Джонатан молчал.

Он не отдавал себе отчета в том, почему не сказал никому ни единого слова. И только приняв соболезнования, выслушав прочувственные молитвы преподобного и дождавшись погребения, Джонатан вдруг ясно осознал, что отнюдь не гордится содеянным. Более того, его ужасала эта внезапно прорвавшаяся наружу неукротимая животная ярость, это грубое варварство, может быть, и естественное для его окру-

жения, но совершенно немыслимое для него самого – культурного сдержанного человека, воспитанного на лучших образцах цивилизованной мысли.

«Я просто исполнил свой долг! – поджав губы, беспрерывно твердил он сам себе. – Я должен был это сделать! Ради моего отца!» Но это не помогало, в глубине души он знал, что все было неправильно! Не так, как должно...

Пожалуй, только одно внушало надежды: теперь, когда все это безумие осталось позади, он будет жить только так, как его к тому призывает его собственная судьба.

И уж точно не так, как хотел бы отец.

* * *

Терпеливо дождавшись отъезда последнего из гостей, Джонатан первым делом прошел в завешенную тяжелыми бархатными шторами комнату, закрылся изнутри и, прикусив губу от напряжения, начал составлять из своих кукол достаточно сложную и неоднозначную композицию «Сын Ойнея Мелеагр убивает брата своей матери Плексиппа».

Куклы помогали ему всегда. Стоило Джонатану встретиться с нерешаемой жизненной ситуацией или даже просто испытать сомнение, он приходил сюда, воображал своих кукол реальными людьми и начинал разыгрывать с ними целое представление – одно, второе, третье... до тех пор, пока решение не находилось.

А потом он открыл для себя Древнюю Грецию, и даже сама жизнь отступила перед красочной феерией языческого мифа. Шаг за шагом он проигрывал все до единого приключения благородного Ясона и мужественного Геракла и внезапно прозревал в людях и созданном ими обществе такое, чему и названия не находил! Нечто вселенское... почти божественное. Вот только места этому новому пониманию жизни в скучном и однообразном быте поместья Лоуренсов не было.

Отец обнаружил его увлечение не сразу. Все чаще видя Джонатана за книгами, он поначалу даже радовался тому, с какой энергией, с каким тщанием изучает его не слишком жизнеспособный отпрыск историю белой цивилизации. Возможно даже, это давало ему какие-то надежды на будущее... Но затем сэр Джереми обнаружил, чем в действительности занят его сынок, пока он в поте лица своего объезжает плантации, и Джонатан впервые подумал, что отец его убьет.

Позже такое будет случаться не раз и не два; после смерти жены и нерожденной дочери сэра Джереми все чаще будут обуревать приступы необъяснимой ярости, но тогда... тогда это случилось впервые, и Джонатан на всю жизнь запомнил охватившее его леденящее чувство близкого, страшного и абсолютно неизбежного конца.

Лишь спустя примерно полгода, когда Джонатан с легкостью поддержал отца в несложном, но почему-то невероятно важном для обоих диспуте с преподобным, в небесах словно

что-то повернулось. Сэр Джереми кинул в сторону сына до-
нельзя удивленный взгляд, тем же вечером вызвал Джоната-
на к себе в кабинет и после недолгой беседы с примиритель-
ным вздохом отпустил.

На следующий день ключ от, казалось бы, навсегда закры-
той, доверху набитой куклами комнаты снова появился на
своем обычном месте.

Далеко за садом заверещала на бойне свинья – Джонатан
вздрогнул и словно очнулся. Он так и сидел на ковре зашто-
ренной комнаты перед незавершенной кукольной компози-
цией «Сын Ойнея Мелеагр убивает брата своей матери Плек-
сиппа». Джонатан окинул своих кукол критическим взгля-
дом и усмехнулся. Да, ему полегчало, как всегда, но вдохно-
вения сегодня ждать не приходится.

Он спустился вниз, устало распорядился принести горя-
чей воды и позволил старому Платону вымыть себя. При-
няв ванну и немного воспрянув духом, он приказал прине-
сти свой лучший, выписанный из Парижа костюм, оделся,
заставил себя поужинать и, собрав все свое мужество, пере-
шел в кабинет, распорядившись привести к нему фаворитку
покойного отца Джудит Вашингтон. Это было непростое де-
ло, но решить его нужно было не откладывая.

Меньше чем через две минуты Джудит вошла. Джонатан
молча указал ей на стоящий в центре кабинета стул и глубоко
задумался.

Чертовски хорошенькая светлокожая, рыжеволосая и се-

роглазая Джудит фактически была его сестрой – разумеется, только по отцу. И Джонатан прекрасно помнил то молчаливое противостояние между его родителями все время, пока в кладовке под лестницей жила мать этой мулатки – Мередит, чуть более темная, но уже обладавшая явными чертами мужской линии дома Лоуренсов.

Помнится, его мать, миссис Лоуренс, лишь огромными усилиями добилась отправки Мередит на плантацию, но это было все равно что заливать огонь керосином. Отец тут же купил себе новую горничную, еще более светлую и еще более молодую, и поселил ее в ту же кладовку. А пару лет назад место под лестницей, а значит, и в отцовской постели прочно заняла его двенадцатилетняя дочь Джудит.

Джонатан искренне не понимал, почему отец допустил кровосмешение и не продал Джудит Вашингтон еще до того, как она вошла в возраст. И лучше, если куда-нибудь за пределы штата. Так поступали почти все их соседи – люди набожные и здравомыслящие, а потому ценившие покой в семье. Но, похоже, отец к их числу не относился.

Он искоса кинул на Джудит оценивающий взгляд, и рабыня густо покраснела и потупилась.

Джонатан насупился. Уже с одиннадцати лет он бегал на зады кухни смотреть, как моется женская часть прислуги, в тринадцать – купил за десять центов расположение долговой костлявой кухарки с торчащими в разные стороны зубами, а теперь мог взять любую из них. Но Джудит Вашингтон

это не касалось. Ни спать с ней, ни даже терпеть ее присутствие в доме он не собирался.

Джонатан встал из кресла, и она бросила в его сторону косой затравленный взгляд.

В принципе на аукционе за Джудит можно было взять от семисот до тысячи долларов. Очень даже хорошие деньги... Табун лошадей можно купить. Но представить себе, что почти белая, можно сказать, «вылитая мисс Лоуренс», рабыня будет подавать шляпы и трости, а вечерами обслуживать в постели хозяина или его очередного нетрезвого друга...

Джонатана передернуло.

– С завтрашнего утра пойдешь работать на тростник, – по возможности холодно и веско, точь-в-точь как отец, и все-таки пряча дрожащие от напряжения руки за спину, распорядился он.

Брови Джудит Вашингтон изумленно поползли вверх.

– Но, масса Джонатан... я же послушная!

– Уведи ее, Платон, – стараясь не смотреть в ее сторону, приказал Джонатан.

– Я же все для вас сделаю! – зарыдала Джудит и бросилась на колени. – Спасителем нашим Иисусом Христом прошу! Не надо на тростник! Прикажите меня на кухню! Я же все умею делать!

Платон перехватил подвывающую от ужаса мулатку поперек тонкой талии, потащил к выходу, а Джонатан торопливо покинул кресло и отвернулся к окну. Он старался не думать

о том, что не пройдет и двух дней, как отвыкшая от солнца, изрезанная тростником белая – в отца – кожа Джудит начнет сползать клочьями, а на третий – покроется язвами. Так устроен мир, и Джонатан просто не знал иного способа восстановить естественный ход вещей.

* * *

После того как шериф Айкен отыскал переводчика, он су-рово допросил всех семерых немного оправившихся франкоговорящих негров. Но убитого Аристотеля Дюбуа ни один из семерых не знал – они все были с разных ферм и плантаций и попали на аукцион совершенно независимо друг от друга. А между тем сообщник, отрезавший Аристотелю голову, чтобы замести следы, наверняка знал его и прежде. И уж по меньшей мере, они говорили на одном языке.

Шериф еще не понимал, какое отношение они оба могут иметь к покойному сэру Джереми Лоуренсу, – из дома ничего не пропало, золотые пуговицы на сюртуке остались целы – все до единой, да и вообще что может связывать белого с черным?

Но в случайность убийства крупнейшего землевладельца округа шериф не верил, как не верил и в случайность двух – одна за другой – отрезанных голов. А потому тем же вечером, передав дела Сеймуру и предупредив констебля, чтобы тот прислал экипаж прямо к его дому, шериф наскоро

поужинал, попрощался с Эйрин и детьми и немедленно тронулся в путь.

Его ждала не так давно купленная Штатами у Франции, а потому более чем наполовину франкоговорящая и не слишком приветливая Луизиана. Но только там шериф мог узнать хоть что-нибудь о прежней жизни, а возможно, и преступных друзьях обезглавленного Аристотеля Дюбуа.

* * *

Эту ночь Джонатан провел почти без сна. Некоторое время он пребывал в сомнениях, но затем, подкрепив свою решимость символической дозой законно перешедшего к нему по наследству коньяка, все-таки отправил Платона в деревню – за Цинтией. В отличие от Джудит эта стройная, черная, как ночь, рабыня всегда знала свое место, а главное, именно с ней у Джонатана впервые все вышло как надо.

Вообще-то мысль о том, что расположение черных женщин можно купить, подкинул ему сын соседа – Артур Мидлтон, еще когда им обоим было по тринадцать. Он же назвал и цену – десять центов. Но помочь в таком щекотливом деле Артур, естественно, не мог, и Джонатан дней пять бродил возле кухни, пытаясь заставить себя сделать первый шаг. И, пожалуй, бродил бы еще дольше, если бы не догадливость высокой, сухой, как жердь, кухарки.

– Масса Джонатан чего-нибудь хочет? – заинтересованно

глядя ему в глаза, прямо спросила она.

Джонатан судорожно стиснул монету в кулаке. Кухарка широко улыбнулась, обнажив крупные, белые, торчащие в разные стороны зубы, и протянула вперед узкую розовую ладонь.

– Что там у вас, масса Джонатан?

Он до сих пор помнил, как полыхнуло огнем его лицо, но зато уже через минуту получившая свои десять центов соблазнительная кухарка провела его в сад, а еще через минуту он уже пристраивался сверху на ее горячее, поджарое, на удивление сильное тело. И вот дальше произошло то, чего Джонатан совершенно не ожидал. Кухарка задышала так часто и возбужденно, что он заинтересовался и кинул взгляд на ее лицо.

Лучше бы он этого не делал. Оскалившийся торчащими в разные стороны зубами рот и белки закатившихся глаз произвели на него столь сильное впечатление, что даже потом, спустя год, когда он был в гостях у Мидлтонов и подросший Артур, давно уже глядящий на мир ленивым взглядом заматеревшего самца, предложил ему на выбор любую, бесплатно, Джонатан вздрогнул и отчаянно замотал головой:

– Не-ет, Артур, не сейчас. Я не в настроении.

Господи! Как же Артур тогда его высмеял!

В дверь постучали, и Джонатан вскочил с кровати.

– Да, Платон, войди.

Тяжелая дверь отошла в сторону, и на пороге появилась

потупившая взор, смиренная, аки агнец божий, Цинтия. Вздвинченный то ли от коньяка, то ли от странноватого ощущения заполнившей дом пустоты, Джонатан по привычке настороженно прислушался и вдруг окончательно осознал, что отец никогда более не пройдет по коридору и не войдет ни в одну из этих дверей!

«Никогда?!»

Он икнул, диковато, не своим голосом рассмеялся, а едва Цинтия стала раздеваться, вскочил с кровати и, то ли преодолевая, то ли подогревая сладостно щекочущее чувство греховности в груди, как был, босиком и в ночной рубашке, потащил ее по немыслимо свободному и безопасному коридору в самый центр силы и власти этого дома – прямо в отцовскую спальню. Он толкнул дверь и, дрожа от ужаса и возбуждения, подошел к огромной ореховой кровати, коснулся прохладной резной спинки пальцами, осторожно присел и вдруг со всего маху рухнул спиной на хрустящую от крахмала простыню. И только тогда осознал, что теперь может все! Действительно все.

Это было странное ощущение, как если бы он поднялся в воздух и полетел, разрезая прохладный свежий ветер лицом и оставляя далеко внизу дома, людей и кроны огромных одиноких дубов. Это было так же, как если бы он мог нырнуть до самого дна Миссисипи и плыть над волнистым заиленным дном, поглядывая вверх, на ржавые, обросшие ракушками и водорослями днища пароходов и легко уклоня-

ясь от их колес. А еще это было так же, как если бы ему снова было тринадцать и он только что купил расположение женщины, пусть и негритянки.

Джонатан властно притянул к себе и взял Цинтию прямо здесь, на отцовских подушках, затем, хмелея от всеисилия, распорядился принести себе кофе с коньяком и сахаром, пролил кофе на простыню, на долю секунды оторопел, но тут же запустил чашкой в стену, откинулся на спину и захохотал. Вскочил, подпрыгивая, сбегал в библиотеку, схватил со стола толстенный том Сенеки и, распорядившись принести еще кофе с коньяком и сдобную булочку, открыл тяжеленный том на первой странице и, ликуя, прочитал:

– Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого.

Это было его любимое место. Джонатан широко и счастливо улыбнулся, захлопнул книгу, прижал ее к груди и, ритмично взмахивая свободной рукой, принялся ходить по комнате и декламировать вслух – наизусть:

– Береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали и которое зря проходило.

Дверь приоткрылась, и на пороге выросла Цинтия с подносом. Она явно боялась, что кофе остынет, но оторвать молодого хозяина от его занятий не рисковала. А он все говорил и говорил куда-то в сторону окна, потом наконец повернулся к Цинтии, бросил книгу на стоящий у кровати столик и горько улыбнулся.

– В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди, а большая часть ее у нас за плечами, – ведь сколько лет жизни минуло, и все принадлежат смерти.

Джонатан знал это письмо Сенеки Луцилию, как никакое другое, но никогда прежде оно не было наполнено таким глубоким смыслом. Подойдя к Цинтии, он одной рукой взял с подноса булочку, целиком запихал ее в рот, другой рукой схватил фарфоровую чашечку, запил и по-хозяйски мотнул головой в сторону постели.

* * *

К утру следующего дня шериф Айкен был уже в Новом Орлеане. Он довольно быстро отыскал торговца, продавшего Аристотеля Дюбуа, и выяснил, что тот его перекупил у мелкого фермера, чья усадьба находилась в десятке миль от города.

Не желая скрывать ни малейшей детали, торговец рассказал, что этого негра он взял у хозяина весьма неохотно; по его сведениям, этот Аристотель всегда был склонен к побегам и непослушанию, отчего ему еще в молодости выжгли на щеке тавро в виде буквы V – по фамилии владельца, и лишь за последние два года негр пускался в бега трижды. Это было уже кое-что, но на вопрос, числятся ли за Аристотелем групповые побег и может ли у него быть столь же преступный товарищ, торговец ответить не сумел.

– Знаете, шериф, – болезненно скривился он, – от этих черных чего угодно можно ждать; пока ты его лупишь, он терпит, а, не дай бог, поблажку дашь, тут тебе и сюрприз: или свинью украдет, или на Север подастся. Зверь, он и есть зверь... сами понимаете.

Шериф понимал, а потому не стал терять времени, выехал в указанном направлении и к обеду уже разговаривал с предпоследним хозяином черного убийцы – мсье Леонардом де Виллем.

– Что вы хотите знать? – настороженно поинтересовался пожилой, плохо одетый француз.

Шериф Айкен поморщился, но стерпел, хотя акцент у фермера был кошмарный.

– У Аристотеля товарищи были? – прямо спросил он.

– А я почему знаю? – нахмурился француз. – Я над ним в поле не стоял.

– Тогда пригласите надсмотрщика, – предложил Айкен.

– Нет у меня надсмотрщиков, – криво усмехнулся фермер. – Я, знаете ли, господин шериф, не настолько богат.

Айкен на секунду задумался. По множеству мельчайших, но верных признаков, таких, как мгновенный скачок взгляда в сторону, было видно, что фермер чего-то недоговаривает, и теперь шериф прикидывал, как именно он заставит этого французика развязать язык.

– Тогда вам придется выехать со мной, – выбрав самый простой вариант, развел он руками. – Сначала в Новый Ор-

леан, где вы дадите показания полицейским властям Луизианы, а затем – на паром и в штат Миссисипи, на опознание. Думаю, дня за три управимся. Ну, и на суд, конечно, придется приехать.

Француз побледнел. Небогатый фермер, он уже представил, во что ему обойдется вынужденное отсутствие в самый разгар уборки тростника.

– А зачем? Откуда мне знать, что он там у вас натворил? – мгновенно уперся он. – Я-то тут при чем? У него теперь новый хозяин, вот он пусть и разбирается!

– Убит его новый хозяин, – глядя прямо в глаза фермеру, холодно произнес Айкен. – Сам Аристотель и убил. И не без помощи со стороны... Вы понимаете, о чем я? Их двое было!

Француз мгновенно сник и даже как-то потемнел лицом.

– Был у него товарищ, Луи Фернье, – после некоторой заминки признал он. – Только сбежал он. Как только я Аристотеля продал, так сразу и сбежал.

Сердце шерифа Айкена болезненно кольнуло. Второй раз за два дня.

– Объявление дали?

– Дал, – вздохнул фермер. – Должно сегодня в «Нью-Орлеан таймс» выйти. Только без толку все это.

– Почему? Что значит «без толку»? – не понял шериф.

– Хитрый бестия этот мулат! – стиснул зубы фермер. – Грамотный. Да еще и почти белый. Так сразу и не поймешь, что он ниггер!

Внутри у шерифа все похолодело. Весь его многолетний опыт говорил о том, что, если убивший Аристотеля Дюбуа напарник выглядит как белый, это означает, что неприятности только начались.

* * *

Шериф распрощался с мсье де Виллем, лишь когда выяснил о побеге обоих интересующих его рабов практически все. И только после этого он вернулся в город. Но здесь уже он времени не терял: сразу же проехал на центральный бульвар, купил «Нью-Орлеан таймс», развернул страницу объявлений и впился глазами в текст.

«Сбежал мой негр, отзывается на кличку Лу, – шевеля губами, прочитал он. – Награда за поимку, мертвым или живым, 25 долларов, но в случае его смерти требуется доказательство. Имеет с собой жену Мэри...»

– Черт! Не то!

Луи Фернье, которого он искал, сбежал без жены, да и награда была побольше. Шериф как мог быстро пробежал страницу глазами.

«Сбежал раб Ричард, почти белый, с клеймом... сбежала черная... Луиза с двумя детьми-мулатами... сбежала грамотная набожная мулатка...» Все это было не то!

Шериф нервно перелистнул страницу и вдруг мгновенно увидел то, что ему было нужно!

«Сбежал негр по имени Луи двадцати двух лет. Довольно высокий, умеет читать и писать, столь же белый, как наиболее белые мужчины, с прямыми белыми волосами и синими глазами. Может выдавать себя за белого человека...»

– Этого мне еще не хватало, – пробормотал шериф.

Он знал, что в сельском районе, в загородных поместьях такой не затеряется – заметят, но в городе... – шериф полез в карман за платком и вытер обильно стекающий по вискам пот, – в городе отыскать человека со звериной осторожностью негра, изворотливостью мулата и внешностью белого ангелочка будет весьма непросто.

Он снова уткнулся взглядом в газету.

«Я заплачу 200 долларов тому, кто доставит его без серьезных телесных повреждений. 25 долларов за мертвого. Аванс для поисков за пределами штата 5 долларов. Доставить по адресу: ближайшая ферма за часовней Св. Марка. Спросить мсье Леонарда де Вилля».

Шериф покачал головой. Этот французик и впрямь не был богат, если расписывал условия вознаграждения столь тщательно, да и давал он немного.

Айкен свернул газету в трубочку и задумался. На первый взгляд с такой внешностью и знанием грамоты этому беглому рабу прямая дорога на Север, в Бостон. И тем не менее он предпочел следовать за Аристотелем Дюбуа. Почему?

А если он раньше принадлежал сэру Джереми? И, узнав, что Аристотеля купил управляющий Лоуренсов Томсон, ре-

шил, что настала пора по квитаться с прежним хозяином? И, например, заставил Аристотеля убить сэра Джереми, а сам, дождавшись в условленном месте, быстро замел следы. Утопил тело и нож и унес с собой обе головы...

«Боже! Но зачем ему эти головы?!»

Сердце еще раз болезненно кольнуло, шериф Айкен вздохнул и побрел к экипажу. Он не был так уж уверен в правильности именно этой версии, но он знал жизнь не понаслышке и понимал, что нет ничего хуже, чем иметь дело с мулатом. Уже потому, что тот наполовину, а то и на три четверти белый, ему начинает казаться, что он имеет право и на соответствующую долю свободы. Шериф тяжело вздохнул. Они все к этому приходят – раньше или позже.

* * *

Следующий день прошел в хозяйственных заботах. Джонатан не без удивления узнал, что мистер Томсон отписывает на каждого работающего в поле раба по три фунта жирной свинины в неделю, но отцовскую печать на все нужные бумаги поставил. Затем они обсудили неизбежность учреждения муниципалитетом опекунского совета и вероятность вызова из Европы брата сэра Джереми Лоуренса – Теренса Лоуренса. Затем Джонатан затребовал Сесилию, решительным тоном приказал ей принести меню и вычеркнул чрезмерно постные и вообще ненужные блюда. Не без доли сму-

щения объявил Цинтии о выделении ей прекрасной комнаты под лестницей. Навсегда задвинул ненавистные шахматы под самый дальний шкаф библиотеки, а к обеду распорядился очистить отцовскую, самую большую, спальню от ставших ненужными вещей, тщательно проследив, чтобы взамен в спальню аккуратно перенесли шкафы, а затем и всю его коллекцию кукол. Тут же с огромным удовольствием разыграл с ними сцену «Менелай и Одиссей уговаривают Париса вернуть Елену и сокровища» и только к вечеру, когда жара начала спадать, уже вполне уверенно приказал подготовить жеребца и выехал на плантации.

Сейчас, когда солнце уже не жарило так сильно, негры работали довольно хорошо. Огромные кипы истекающего липким соком тростника вручную выносились к дороге и укладывались на подводы, а там, дальше, на нескольких сотнях акров сырой заболоченной земли тростник еще только начинали рубить, а еще дальше шли рисовые поля.

Посеять рис было довольно рискованным экспериментом, и далеко не все окрестные землевладельцы на него отважились. Отец Джонатана несколько месяцев изучал цены аукционов и технологию возделывания этой капризной культуры, прежде чем решился попробовать.

Впрочем, Джонатана это касалось мало. Проезжая по своим полям, он в первую очередь видел главное: в его рабах нет ни почтения, ни тем более любви. Более того, порой ему казалось, что он ловит на себе откровенно враждебные взгляды.

ды. Это расстраивало.

Еще из поучений древних мудрецов он знал, что как без пастуха не могут прожить ни овцы, ни другая домашняя скотина, так без постоянной родительской опеки не могут обойтись дети, так и рабы не в состоянии жить без мудрых и дальновидных господ. Весь опыт западной цивилизации и особенно тот едва прикрытый фиговым листком демократии кошмар, что происходил в северных штатах и о котором постоянно говорили его соседи, буквально кричали об этом!

Джонатан искренне разделял мысли Сенеки о том, что раб должен чувствовать себя ребенком в большой чадолюбивой семье – пусть и воспитываемым в строгости, но тщательно оберегаемым от всяких невзгод и превратностей. Но вот как раз этого он в своем поместье и не видел. Его рабы чувствовали себя кем угодно, но только не детьми своих господ.

В первую голову в этом был повинен его отец. Эти бесконечные вспышки ярости, мгновенно сменяемые холодной отстраненностью, могли сбить с толку кого угодно. Понятно, что рабы довольно быстро перестали ждать от хозяина защиты и покровительства, а затем – даже просто внятных указаний и стали подобны нелюбимым детям, настороженным и замкнутым. И вот это следовало исправлять, шаг за шагом.

Джонатан еще не знал, как именно этого добьется, но полагал, что, если следовать мудрым поучениям древних, взаимная отчужденность в конце концов растает, и стройная, логически безупречная модель общества, построенная по

Аристотелю, станет реальностью. Раньше или позже. И мысленно он уже представлял себе картину всеобщего довольства и благочестия.

Он так размечтался, что даже не заметил, как подъехал к границам своих владений, и лишь когда жеребец возмущенно захрапел и встал как вкопанный, Джонатан растерянно огляделся и непонимающе тряхнул головой. Чуть поодаль, почти незаметный с тропы, стоял укрытый в зарослях рослого шиповника шалаш из тростника.

Он заставил жеребца сдаться назад и после недолгих колебаний спрыгнул на землю. Размял ноги и, настороженно озираясь по сторонам, подошел.

«И кто это построил? Неужто мои рабы?»

Джонатан двумя пальцами приподнял искусно сплетенный из камыша полог и осторожно заглянул внутрь, а когда глаза привыкли к темноте, удивленно хмыкнул. Под пологом шалаша сушилась связка мелкой рыбешки, на земле была расстелена плетеная циновка, но главное, у стенки стоял стальной котелок, а рядом – хороший медный чайник. У его рабов этого быть не могло.

Джонатан опустил полог, озадаченно покачивая головой, вернулся к жеребцу и вдруг услышал шорох. Обернулся и заметил мгновенно скрывшееся в зарослях белое продолговатое лицо с яркими, невозможной синевы глазами.

– Эй! – крикнул он. – А ну-ка, подожди! Ты кто такой?!

Кусты захрустели так громко, что стало окончательно яс-

но: неизвестный осознает, что находится на чужой территории. И на душе у Джонатана почему-то сразу стало неспокойно.

«Надо шерифу сообщить, – подумал он. – Мне еще бродят на моей земле не хватало!»

* * *

Вернувшись в город, шериф Айкен первым делом, даже не заезжая домой, распорядился поместить в газетах объявление о сбежавшем в Луизиане практически белом мулате по имени Луи Фернье, а затем, не теряя времени, отправился в поместье Лоуренсов. Выбрался из экипажа и, украдкой потирая затекший за двое суток неподвижного сидения зад, прошел в гостиную. Сунул Платону фуражку и, привыкая стоять на твердом, стал прохаживаться от окна к окну.

– Шериф! Как хорошо, что вы приехали! – сбежал по лестнице Джонатан Лоуренс. – У меня как раз тут бродяга шатается; вы бы прислали констебля.

– Белый? – мгновенно насторожился шериф.

– Да, вполне, – охотно кивнул Джонатан.

– А глаза светлые? – прищурился шериф.

– Абсолютно, – подтвердил Джонатан и тут же заподозрил неладное. – А что такое?

Шериф Айкен шумно выдохнул и нервно глянул в окно.

– Это беглый мулат, сэр Джонатан. Очень опасный. У вас

есть кого послать в участок с запиской? А то я уже не в силах – двое суток в экипаже.

– Разумеется, – кивнул Джонатан и повернулся к Платону: – Быстро конюха сюда; скажи, в город с запиской поедет. Быстрее!

Платон метнулся к двери, а Джонатан предложил шерифу присесть, с пониманием выслушал отказ и лично достал из бюро бумагу, перо и чернильницу:

– Прошу.

Шериф взял перо и задумался. Он понимал, что мулата надо взять любой ценой, но преждевременной огласки о возможной поимке организатора убийства сэра Джереми совершенно не желал. А его заместитель Сеймур, насколько он знал, всегда был ушами и глазами мэра города.

– Так вы говорите, это был белый бродяга, – пробормотал шериф, – Что ж, так и напишем.

Он быстро начертал несколько слов и сунул записку прибежавшему конюху:

– В участок, моему заместителю мистеру Сеймуру Сент-Лоису. И быстро!

* * *

Наряд прибыл через полтора часа. Четверо рослых констеблей с одинаковыми тяжелыми челюстями и массивными кулаками – надежные, как сама конституция. А юного сэра

Джонатана на поимку бродяги шериф Айкен не взял.

– Ни к чему это, – пробормотал он. – И вам безопаснее, и мне спокойнее.

Как ни странно, после этих слов Джонатан испытал необъяснимое облегчение. Проводив шерифа и прибывших констеблей, он вернулся в спальню и принялся перебирать своих кукол.

Они и впрямь были великолепны. Даже просто комбинируя позы и костюмы и давая волю воображению, Джонатан мог воссоздать из них практически любой кусочек великой истории белой цивилизации, как реальной, так и мифологической. Вот и сейчас, если бы не визит шерифа, он уже закончил бы очередную сцену из жизни братьев Аякс. А пройдет время, и – он уже совершенно точно это знал – именно эти куклы помогут ему сначала несколько раз разыграть, а затем и на деле создать идеальное сообщество. Пусть и в масштабах своего поместья.

В дверь постучали.

– Войдите, – нехотя разрешил Джонатан.

Дверь осторожно приоткрыли, и в комнату заглянул Платон.

– Простите, масса Джонатан. Разрешите, я войду...

– Что тебе?

Платон замялся, и Джонатан удивленно поднял брови; этот старый негр все делал ровно так, как надо, а потому всегда выглядел уверенным и спокойным, но сейчас его выгля-

дывающее из-за двери лицо стало каким-то серым, а на седых висках поблескивали капельки пота.

— Ну же! Что случилось, Платон? — поторопил его Джонатан.

Платон открыл было рот и снова закрыл.

— Давай, не тяни время! — все более досадуя на то, что его отрывают от дела, нетерпеливо потребовал Джонатан. — Ты же видишь, что я занят!

— Я ваши вещи принес, масса Джонатан, — сказал негр.

— Так давай их сюда! — уже раздражаясь, повысил голос Джонатан. — Ну?!

Платон неуверенно шагнул из-за двери вперед, пошатнулся и, едва удерживая равновесие, внес большое, накрытое расшитой салфеткой блюдо. Поставил на стол и, потупив глаза, встал рядом.

Джонатан недовольно покачал головой, вскочил с ковра и стремительно прошел к столу. Сорвал салфетку и оцепенел.

На огромном серебряном блюде находились только три предмета: его потерявшийся где-то на островах пистолет, большой кухонный нож с черной ручкой и отрезанная голова того самого негра.

* * *

Джонатан приходил в себя долго. Сначала в глазах потемнело, затем со скоростью почтовой кареты в голове понес-

лись несвязные сумбурные мысли, но ни на одной он остановиться так и не сумел, до тех пор, пока не поднял глаза на раба.

— Зачем? — сиплым, чужим голосом спросил он. — Зачем ты мне это принес?

— Это ваше, масса Джонатан, — глухим голосом произнес преданнейший слуга. — Вы потеряли, я нашел.

Джонатан тряхнул головой. Он знал, что, случись этой истории всплыть, все его соседи до единого — от мала до велика — пожали бы ему руку и сказали, что он, Джонатан Лоуренс, настоящий мужчина и истинный сын своего отца.

Вот только сам он чувствовал себя совсем по-другому.

Потому что, кроме соседей и громкой фамилии, у него теперь была еще и своя собственная, неподвластная сыновнему долгу жизнь. И в этой жизни не было места ни для ярости, ни для боли, ни — тем более — для отрезанных голов.

* * *

Шериф Айкен добрался до шалаша через каких-нибудь четверть часа, тщательно осмотрел чайник и котелок, а затем обыскал с констеблями всю округу, но ни единой живой души на две мили вокруг уже не обнаружил.

Он отправил двух полицейских краем рисового поля, еще двум приказал обследовать рощу неподалеку, а сам двинулся в сторону реки, к еще не вывезенным с полей копнам са-

харного тростника, чтобы уже оттуда выехать к Миссисипи.

Торчащие из кип, истекающие соком и густо облепленные на срезах осами стебли вразнобой дребезжали под порывами усилившегося к вечеру ветра, и шериф, отчаянно прислушиваясь к каждому скрипу и каждому стону природы, пытался выделить хоть что-нибудь ей чужеродное – человеческое.

Он проверил весь первый ряд; затем перешел ко второму; от него – к третьему, и вот здесь ему показалось, что он что-то чувствует, так, как это бывает, когда тебе смотрят в затылок.

Шериф спустился с лошади, предоставил ее самой себе и, приседая и оглядываясь по сторонам, двинулся к последним двум кипам в ряду. Со всех сторон осмотрел первую, перешел ко второй и вдруг, подчиняясь непонятному порыву изнутри, вернулся к первой и здесь замер. Он не знал, куда идти, но явственно ощущал угрозу.

* * *

Черная и, если бы не этот неподходящий цвет, чем-то сильно напоминающая кукольную голова стояла на подносе и смотрела на Джонатана. Нет, веки были закрыты, но Джонатан чувствовал себя так, словно его медленно прожигали насквозь.

– Т-так... зачем ты мне это принес? – очнувшись, снова спросил он.

– Вы потеряли, я нашел, – опустив глаза, повторил Платон.

– Ты что, шел за мной? – не поверил Джонатан.

– Да, масса Джонатан, – еще ниже склонил голову раб.

– Но зачем?!

Платон поднял глаза, посмотрел на своего господина странным, совершенно незнакомым взглядом и вдруг указал рукой на стоящую посреди подноса курчавую седую голову.

– Это он убил сэра Джереми, масса Джонатан. А потом позвал на острова и вас.

– Как так? Зачем?!

– Чтобы убить и забрать еще одну душу, масса Джонатан. Я знаю. Это Аристотель, слугитель Мбоа; мы принадлежали одному хозяину. Раньше. Очень давно. А потом он пришел сюда.

Платон стал рассказывать, как самым первым, еще до толстухи Сесилии, обнаружил обезглавленное тело сэра Джереми; как, отчаянно пытаясь удержать на месте уходящую под власть Аристотеля душу своего господина, обильно посыпал мертвое тело табаком и смочил тростниковым ромом; как старательно следил за всем, что делал масса Джонатан, опасаясь потерять и его... Джонатан слушал и не верил тому, что слышит.

Ему рассказывали, что у негров еще осталась память о прежней, иной жизни, какие-то сказки об огромной рыбе, родившей Луну, о детях Луны – маленьком, не выше коле-

на, брате и его большой, до самого неба, сестре, положивших начало всей жизни на земле. О самой Луне, на которой и живет упомянутый Платоном Великий Мбоа.

Он знал, что иногда – очень редко, но все-таки такое бывает, – иногда они как-то сохраняют свои прежние имена и странные ни на что не похожие приметы и суеверия – вот как сейчас.

Но чтобы Платон...

– Но вы убили его, масса Джонатан, – слушал он как сквозь вату, – и теперь вы – самый главный для Мбоа.

Джонатан зябко поежился, бросил мимолетный взгляд на голову и застыл... Она буквально втягивала его в себя. Джонатан с трудом перевел глаза на шрам в виде буквы V на левой щеке головы, затем – в сторону и снова посмотрел на Платона.

– И что мне теперь с этим делать? – изо всех сил пытаюсь удержать остатки самообладания, растерянно спросил он.

– Она ваша, масса Джонатан, как и душа Аристотеля. Возьмите ее в руки. Пусть Аристотель привыкнет к вам.

– В руки?! – брезгливо подернулся Джонатан. – Эту мертвечину?

– Возьмите, пожалуйста, масса Джонатан, я вас очень прошу, – молитвенно приложил ладони к груди раб.

Джонатан истерически хихикнул и вдруг, сам себе не веря, что он это делает, подошел и осторожно обхватил голову руками. Странно, но она была практически сухой. И не пах-

ла. Разве что совсем немного – недавно завяленным мясом, что-то вроде сушеной козлятины, и какой-то травой.

– И что теперь?

– Вплетите ему в волосы что-нибудь из ваших личных вещей. Какой-нибудь шнурок.

– Шнурок? – оторопел Джонатан и вдруг вспомнил кусочек то ли тесемки, то ли шнурка, выдернутый им из волос отца. – Ты сказал вплести шнурок?

– Да, масса Джонатан, пусть душа Аристотеля смирится и подчинится своему новому хозяину. И не теряйте времени.

Джонатан криво улыбнулся – в предложении Платона было что-то языческое и невероятно запретное, но именно это и привлекало. Он осторожно поставил голову обратно на поднос, пошарил в карманах и, вдруг представив себе, как выглядит со стороны, рассмеялся.

– Все, Платон, хватит с меня!

– Сделайте это, масса Джонатан! – побледнел раб. – У него еще помощник есть, второй, почти белый! Если вы этого не сделаете, он и эту, и вашу голову заберет!

Но Джонатан уже снова стал самим собой – сдержанным, самокритичным и вполне цивилизованным человеком.

– Убери это от меня. Хватит с меня твоих негритянских штук.

Ровно в этот момент шериф Айкен решился. Он решительно отвернулся от первой копны и шагнул ко второй. Рывком сорвал крайнюю стопку. Из полутьмы, с белого, обрамленного светло-желтыми волосами лица на него смотрели ясные синие глаза.

А вот дальше все пошло не так. Потому что стопка дрогнула, и в живот шерифу уперся ствол мушкета.

Позже шериф часто будет вспоминать это мгновение, но так и не придет к ясному пониманию того, что же именно произошло. Наверное, в нем сработал многолетний навык. А может быть, и страх. Когда человеку почти пятьдесят, в страхе можно и признаться – хотя бы самому себе. Во всяком случае, через мгновение все изменилось, а еще через бесконечно долгий, наполненный мерцанием и полутьмой промежуток времени шериф понял, что остался жив.

Его кинжал вошел чуть ниже лица, точно в горло, и подсохшие на ветру стебли сахарного тростника медленно окрашивала алая человеческая кровь.

Шериф задержал дыхание, выдернул кинжал и, пошатываясь, растащил колючие, липкие кипы в стороны. И обомлел. То, что он принял за мушкет, оказалось обыкновенной тростью.

Джонатан отходил долго. Очень долго. Наверное, час. Или больше. А потом не выдержал и все-таки позвал Платона.

– Принеси, – только и сказал он.

Платон вышел и через мгновение вернулся с бережно завернутым в кусок холста трофеем. Развернул и снова поставил на блюдо – точно напротив господина.

Странное дело, но Джонатан явственно ощущал, как от этой головы исходит непонятная сила; она буквально лучилась ею. Он подошел, развернул и осмотрел голову со всех сторон, ощупал шрам на щеке, потрогал крупные белые зубы и еще раз поразился тому, что она совершенно не пахнет тухлятиной!

Его собственный отец вонял уже через несколько часов.

– Почему не пахнет? – не глядя на Платона, спросил он.

– Я сделал, масса Джонатан, – отозвался тот. – Траву знаю.

– И что теперь?

– Когда вплетете шнурок, его сила станет вашей, масса Джонатан, – покорно склонил голову раб. – Вы сразу станете больше даже его, а он был очень большой человек. Белых убил как пальцев на руках.

Джонатан недоверчиво хмыкнул. Похоже, этот «охотничий трофей» дорогого стоил. Он взвесил голову в руках и вдруг не выдержал и понюхал – ничего! Даже намек на

гниль нет. Отодвинул ее от себя и снова подумал, что более всего она напоминает ему оторванную голову куклы – видел он такую лет шесть назад в городе, в одной небогатой семье.

Джонатан повертел голову в руках, улыбнулся, подошел к шкафу, открыл его и поставил голову на полку – как раз между бюстами Цезаря и Декарта.

Это было чертовски странно, но она ему нравилась!

* * *

Первым делом шериф Айкен вытащил тело из тростниковой кипы и, стараясь не слишком испачкаться вездесущим липким соком, тщательно обыскал его. Дешевый табак, даже не табак, а так, мусор из молотых стеблей, фляжка неочищенного тростникового рома, старый складной нож, два серебряных доллара и, наконец, аккуратно завернутые в тряпицу документы.

Айкен развернул их, и в горле пересохло. Бумаги были выписаны на имя Оскара Мак-Коя.

«Черт!»

Это определенно был ирландец – один из многих тысяч, подавшийся сюда с Севера в поисках работы. Обычный бродяга. Шериф представил себе, как будет оправдываться перед мэром, и зябко поежился.

«А что, если бумаги украдены?»

Шериф прикусил губу и устало опустил на землю ря-

дом с трупом. Как значилось в объявлении, беглый мулат по имени Луи Фернье был столь же белым, что и самый белый мужчина.

«А если это и есть Луи Фернье? – спросил он себя и сам же ответил: – А собственно, почему бы и нет?»

Шериф обхватил колени руками, склонил голову и задумался.

«Привезти на опознание мсье Леонарда де Вилля? А если он его не опознает?»

Тобиас Айкен вдруг почувствовал себя бесконечно усталым. И ни снова ехать в Луизиану, ни объясняться с мэром по поводу очередного трупа ему уж совсем не хотелось. А между тем расследование убийства сэра Джереми Лоуренса следовало завершать.

Шериф, кряхтя, откинулся на спину, заложил руки под голову и стал смотреть в спокойное, уже начавшее приобретать сумеречный фиолетовый цвет небо.

«А какая, собственно, разница? – внезапно подумал он. – Да будь он хоть кто – мулат, белый, – он мертв и ничего уже никогда не скажет, а значит, и оправдаться не сможет!»

И как только шериф это осознал, он привстал и кинул сразу же повеселевший взгляд на распростертое рядом тело.

– Надо же, как на белого похож! Чертов ниггер!

Весь вечер Джонатан не находил себе места. Снова и снова пытался он заняться чем-либо иным и снова и снова возвращался к голове, открывал гладкую дверцу орехового шкафа и смотрел на самый необычный предмет, какой только попал ему в руки. Голова буквально притягивала его.

Уже спустя час он стал осознавать, что определенно испытывает к этой голове необъяснимую симпатию. Ту самую, описанную античными мудрецами, природную симпатию, что притягивает тяжелые тела к земле, а легкие – увлекает в невесомый эфир. Ту самую, что направляет корни растений к воде и заставляет поворачиваться вслед за солнцем цветов подсолнуха. И это было странно.

Джонатан понимал, что между черным и белым скорее должна существовать антипатия, подобная антипатии света и тьмы или даже подобная антипатии воинств ангелов и бесов. И вот здесь что-то не сходилось.

Возможно, все дело было в том, что они оба были людьми. Они оба имели сходные члены тела. Им обоим были открыты великие таинства Божьей благодати. И они оба – и раб, и господин – были созданы Господом друг для друга, как вода создана для питания корней и напоения населяющих землю тварей, а женщина – для утоления телесной жажды своего мужа.

Если бы между черными и белыми существовала присущая некоторым природным телам и многократно описанная древними мудрецами антипатия, они бы ненавидели один другого, как дуб ненавидит картошку, а виноград – маслину, и просто не могли бы находиться на одной земле. Но они не просто находились рядом – они служили друг другу! И раб обрабатывал землю для своего господина, а господин кормил своего раба и заботливо укрывал его от зимнего холода под своей крышей. Черные и белые были буквально созданы друг для друга! Так же, как и все симпатизирующие друг другу тела.

Джонатан взволнованно заходил по комнате. Он впервые рассматривал эту проблему столь философски. А что, если эта связь распространяется еще глубже, подобно связи между волчьим корнем и глазами человека? Ведь общеизвестно, что Господь дал самое прямое указание на благотворное действие волчьего корня для глаз, создав его цветы в виде маленьких черных шариков, помещенных в подобные векам белые оболочки.

Нет ли в черной коже и выпуклых губах, коими наделен каждый негр, Божьего знака, прямого указания на его особое положение вечного спутника белого человека? Подобно тому, как по линиям руки каждый изучивший науку хиромантию с легкостью прочтет, будет ли обладатель этой ладони счастлив браком и сколько детей пошлет ему Господь.

Джонатан взъерошил рукой непокорные рыжие волосы,

кинул еще один взгляд на поощрительно улыбающуюся ему голову и сел в кресло, изящно подперев горячий лоб ладонью. Он знал, что знаки должны быть. И даже то, что Господь послал ему этот странный подарок, должно иметь свой особый, небесный смысл. Ведь именно в предмете, в конечном счете, и материализуется мысль и воля – и человечья, и Божья.

* * *

Шериф Айкен встретил вернувшихся ни с чем полицейских на дороге. Указующе махнул рукой в сторону подготовленных к погрузке тростниковых кип и спустя несколько минут уже демонстрировал им распростертое на земле залитое кровью тело.

– Не смотрите, что выглядит как белый, – тихо произнес он. – Это мулат. Из Луизианы. Тот самый, что убил сэра Джереми.

– Вы уверены, шеф? – настороженно спросил старший наряда.

– Абсолютно, – кивнул шериф. – Мы еще и награду за него получим – двадцать пять долларов. На всех поделю, никого не обижу.

– А как же документы? Тут же написано: Оскар Мак-Кой.

– Украл у кого-то... – отмахнулся шериф. – Меня еще в Луизиане предупредили, что этот беглый – сущий сатана! А

он к тому же еще и грамотный был.

Упоминание о грамотности чертова мулата действовало мгновенно. Полицейские сразу же утратили почтительное отношение к покойнику, все, как один, неприязненно сморщились, кулем закинули труп на лошадь и, весело перешучиваясь по поводу пяти долларов на брата, тронулись в обратный путь. И только шериф растерянно смотрел в никуда. Впервые в своей жизни, поддавшись понятной человеческой усталости, он совершил служебный подлог и даже не знал теперь, как будет жить с этим дальше.

«Господи! Сделай так, чтобы это и впрямь оказался тот самый мулат! – взмолился он. – А больше мне ничего не надо!»

* * *

Тело скинули на том самом месте, где несколько дней назад лежал обезглавленный сэр Джереми Лоуренс. К трупу мгновенно набежали охающие, вздыхающие и быющие себя розовыми ладонями по бедрам черные слуги, и шерифу пришлось потратить немало сил, чтобы предъявление тела сэру Джонатану не превратилось в ярмарочное представление.

А потом юный сэр Лоуренс медленно спустился по лестнице и впился глазами в белое, почти кукольное обескровленное лицо.

– Это он? – осторожно поинтересовался шериф.

Джонатан вспомнил свой мгновенный испуг, когда он услышал от Платона весть о почти белом помощнике этого чертова африканского колдуна, и опустил на корточки. Да, похоже, это было то самое лицо, что мелькнуло за шалашом. По крайней мере, цвет волос тот же, да и глаза...

– Да, шериф. Это он.

Шериф Айкен облегченно вздохнул и присел рядом.

– Это мулат из Луизианы. Луи Фернье. Я думаю, что именно он убил вашего отца... Правда, улик у меня пока нет. Так что официального завершения дела удастся добиться не скоро, сами понимаете.

Джонатан задумался. Там, в его комнате, на подносе, прикрытый узорной салфеткой, так и лежал большой черный кухонный нож, которым уже были отрезаны две головы, и лучшего повода избавиться от него, чем сейчас, просто не существовало.

– Я принесу вам улику, шериф, – привстал он. – Платон не так давно возле шалаша нашел, просто вам отдать не успел.

Шериф изумленно захлопал глазами, а Джонатан поднялся по лестнице в дом, прошел в бывшую отцовскую, а ныне только его спальню, откинул салфетку, взял в руки роковой инструмент и торопливо вернулся.

– Вот, – протянул он оружие двойного убийства шерифу. – Это ведь он?

Шериф обомлел и криво, еще не веря своему счастью, а затем широко, во весь рот, улыбнулся. Теперь у него было

почти все.

* * *

Дело об убийстве сэра Джереми Лоуренса закрыли не сразу. Несмотря на прямую улику, найденную в шалаше, – тот самый кухонный нож, мэр долго не верил в то, что шериф Айкен раскрыл самое громкое преступление последнего десятилетия, а потому шерифу все-таки пришлось ехать в Луизиану и говорить с мсье Леонардом де Виллем. Одно хорошо – на этот раз фермер был сама любезность. Он бегло прочитал детальное описание убитого шерифом незнакомца с документами ирландца и кивнул.

– Это он, шериф. Никаких сомнений. Нос прямой, глаза голубые, волосы светлые. Металлическая фляжка с тростниковым ромом, табак... Да, господин Айкен, вы убили Луи Фернье. Извольте получить вознаграждение.

Шериф неверяще заморгал и тут же все понял.

– Вы, как я понимаю, не желаете выезжать на опознание?

– Абсолютно не желаю, – честно ответил мсье де Вилль. – У меня уборка в самом разгаре; если я уеду, половины урожая недосчитаюсь. Так что извольте получить ваше вознаграждение, и расстанемся друзьями.

На секунду шериф оторопел, потом рассмеялся и попросил перо и бумагу. Составил акт об опознании, проставил завтрашнее число, сунул акт на подпись, забрал, тут же с удо-

влетворением принял двадцать пять одинаковых, как братья-близнецы, серебряных однодолларовых монет и сунул их в кошель. Дело, считай, было закрыто.

* * *

Через два дня извещение о постигшем убийцу сэра Джереми Лоуренса возмездии было опубликовано в печати. Детали не сообщались. И только среди рабов семейства Лоуренс ходила умело запущенная управляющим Томсоном версия: убийца оказался ирландцем по имени Оскар МакКой.

Власти не возражали, все прекрасно понимали, что правда, как она есть, только подогревала бы неисполнимые надежды среди рабов, предъявив им дерзнувшего на бунт и преступление мулата как ненужный пример.

А спустя еще один день, уже за полночь, уставший бороться с искушением сэр Джонатан Лоуренс снял голову с полки, поставил ее посредине комнаты, оторвал от своего красного шейного платка длинную ленту и сделал то, что давно уже хотел сделать, – вплел в пышную шапку курчавых седых волос.

Часть II

Преподобного Джошуа Хейварда разбудил жуткий грохот. Кто-то молотил в дверь – сначала кулаками, а затем и ботинками.

– Наверное, старый Доусон скончался, – вздохнула в темноте Мелани. – Тебе поесть приготовить? Или так поедешь?

– Не торопись, – отмахнулся преподобный и сел на кровати, протирая глаза и нащупывая ногами мягкие теплые тапочки. – Может, это и не Доусон вовсе.

– А кто еще? – резонно возразила жена. – Рейнольдсу еще рано, да и Маргарет Хофман пока не торопится.

Преподобный не ответил. Разумеется, Мелани была права: Рейнольдсу еще рано, а девятистолетняя Маргарет пока помирать не торопится. Но лично ему от этой правоты супруги было не легче.

В дверь снова замолотили.

– Иду-иду! – сладким голосом отозвался преподобный и торопливо спустился по гулкой деревянной лестнице на первый этаж. – Кто там?

– Это я, ваше преподобие! – отозвались из-за двери странным, сдавленным голосом. – Томас!

– Господи! – сразу взбеленился преподобный. – Что у тебя там стряслось?! Нельзя было до утра подождать?

Он сдвинул щеколду в сторону, распахнул дверь и отшат-

нулся. Глаза у негра были совершенно безумны.

– Там... – почти прорыдал Томас. – Богородица! Там такое! Такое!!!

– Ты толком можешь объяснить? – нахмурился преподобный. – Или так и будешь вопить? Где Богородица? Какая Богородица? Что с ней?

– Наша!!! В храме! Там такое!

«Ограбление?»

Преподобный встревожился; он-то знал, что оклад иконы Девы Марии лишь немного позолочен сверху, но грабители этого могли и не знать. Он постарался взять себя в руки, вспомнил об этой извечной манере Томаса поднимать шум из ничего, но понял, что идти в храм все равно придется.

– Ладно, подожди, сейчас оденусь, – пробурчал он и решительно захлопнул дверь, оставив Томаса ждать на крыльце. – Ненормальный...

* * *

Черного раба Томаса Брауна преподобный Джошуа Хейвард купил два года назад. За сто пятьдесят пять долларов.

Разумеется, для работы в поле этот пятидесятилетний «бой» уже не годился совершенно – грыжа, вечные боли в спине и скрюченные ревматизмом пальцы делали его непригодным даже для помощи на кухне. Но стоило услышать, как Томас Браун рассказывает своим собратьям об Иисусе, как

любому становилось ясно, что этот раб уплаченных денег стоил. И куда бы преподобный Джошуа его ни привез, бесконечные, одна за другой, проповеди неутомимого Томаса всегда заканчивались одинаково – массовыми мольбами даже самых тупых «полевых» негров приобщить их к святой Христовой церкви.

Но было у Томаса одно пренеприятное свойство – он был отъявленный паникер и, похоже, немного не в себе. Неделю назад ему показалось, что храм собираются ограбить, а минувшей зимой Томас усиленно готовился к концу света, а потому из божьего храма практически не выходил, но, что хуже всего, постоянно клялся, что еще в детстве видел спускающегося с небес архангела Гавриила собственной персоной.

Преподобный Джошуа Хейвард быстро надел костюм и черную широкополую шляпу, на всякий случай прихватил с собой лампу, вышел на крыльцо и быстро направился в сторону храма.

– Так все-таки что там стряслось, Томас? – на ходу бросил он.

– Дева Мария плачет... – сдавленно булькнул раб.

– Как это? – остановился преподобный.

– Да-а, преподобный, да... – закачал головой Томас. – Вот такими слезами.

– Какими слезами? – заорал преподобный. – Что ты несешь?!

– Кровавыми, – развел руками Томас, – как в церкви Свя-

того Великомученика Себастьяна.

Преподобный застонал и чуть было не повернул назад. Но потом пересилил себя и, полыхая праведным гневом, двинулся к храму еще быстрее.

«Я тебе покажу, как среди ночи меня поднимать! Я тебе устрою слезы Девы Марии!»

Они подбежали к храмовым дверям, Томас открыл их своим ключом и, пропустив хозяина вперед, прихрамывая, побежал следом.

Преподобный Джошуа Хейвард промчался к иконе, поднял лампу и обомлел. По щекам изображенной на иконе Богородицы тянулись две извилистые кроваво-красные дорожки.

– Кто это сделал? – прошипел он и вдруг замер.

Уголок левого глаза зазолотился отраженным ламповым светом, и оттуда вдруг скатилась крупная ярко-красная слеза.

– Черт!.. – охнул священник и тут же прикрыл рот ладонью.

– А я вам говорил, масса Джошуа, – укоризненно пробурчал сзади Томас.

Преподобный протянул вперед дрожащую руку. Коснулся назревающей – на этот раз в правом глазу изображения – капли пальцем и сунул его в рот. Жидкость была теплой и соленой – пожалуй, от крови и не отличить.

С минуту или более преподобный переводил дух и сооб-

ражал, что будет делать дальше, как вдруг понял, что «слез» более нет, и те две, что он успел увидеть, были последними!

Некоторое время он не решался, а потом все-таки взял икону обеими руками и аккуратно снял ее со стены. Развернул и растерянно хмыкнул. Задняя поверхность холста была ровной и сухой. Преподобный поставил икону на пол, точно напротив лампы, быстро присел рядом и попытался найти отверстия, сквозь которые могла протекать эта жидкость...

Ничего!

Тогда преподобный снова развернул икону к себе лицевой стороной, криво усмехнулся мгновенно промелькнувшей мысли о колоссальном розыгрыше, встал, решительно поднял и повесил икону на место, секунду поколебался, а затем вытащил из рукава платок, поспешил его и тщательно стер с золотистых щек Богоматери обе красноватые дорожки.

– Вот и все, Томас. И никаких тебе слез.

* * *

В тот самый момент, когда преподобный протирает икону платком, Джонатан уже рассматривал получившуюся косичку из седых волос и ярко-красной ленты. Пожалуй, это выглядело даже красиво, а главное, его поразило странное ощущение, схожее с тем, что наполняло его в то утро, когда впервые проснулся в отцовской кровати, – ощущение свято-

татства. В то же время чувствовал он себя великолепно!

Он еще раз осмотрел голову и обратил внимание на то, что она стала как-то еще суше. Веки окончательно провалились внутрь глазниц, щеки втянулись, тавро в виде буквы V стало необыкновенно выпуклым, а некогда полные губы разошлись в стороны, обнажив крупные белые зубы и светло-коричневые, твердые, как дерево, десны. Джонатан взвесил ее в руке – она даже весить стала меньше!

«Надо будет спросить Платона, как он это сделал», – решил Джонатан, поставил голову обратно в шкаф и, сладко потянувшись, взглянул на часы – половина третьего. Но спать почему-то не хотелось.

Трудно сказать, в чем тут дело, но с тех пор, как Джонатан стал полновластным хозяином в доме, он почти перестал спать. До двух-трех часов ночи возился с куклами, в пять-шесть утра вставал и читал Геродота или Ювенала, а чаще всего своего любимого Сенеку, затем выезжал на плантации, и только когда наваливалась жуткая послеобеденная жара, он поступал так же, как и все белые в этих краях, – отключался ото всех забот и отдыхал, чтобы к вечеру снова засесть за кукольные реконструкции далеких, но от этого не менее великих событий.

А сейчас... он словно услышал голос безумно далеких предков, еще из тех допотопных времен, когда люди бродили по бескрайним горам и долам Вавилона и Палестины в накинутах на плечи шкурах и молились золотым идолам.

Он подошел к окну, распахнул его настежь, подставил грудь внезапно налетевшему прохладному ветру и прислушался. Цикады верещали оглушительно, но ветер принес и еще кое-что. Сквозь это наплывающее волнами стрекотание откуда-то издалека до него донеслись глухие равномерные звуки.

«Негры», – догадался он.

Собственно, держать в деревне барабаны им запретили давно, еще при дедушке, – Джонатан даже не помнил этого времени, слишком уж был мал. Но два или три раза в году рабы все-таки нарушали господский запрет, а чтобы их не услышали обитатели усадьбы, уходили далеко-далеко, в рощу, туда, где теперь расстилались рисовые поля.

«Какой-то языческий праздник?»

Ему вдруг стало ужасно интересно, что может заставить рабов после целого дня напряженного труда под изнуряющим солнцем с риском быть сурово наказанными нарушить запрет и собраться всем вместе, да еще вот так, посреди ночи.

«Съездить и посмотреть?»

Джонатан притворил окно, бросил взгляд на стоящую у шкафу голову и улыбнулся. Он должен был узнать правду.

* * *

Джонатан разбудил несказанно изумленного его ночным

визитом конюха-ирландца, взял смирную, ко всему привычную кобылу и спустя четверть часа был уже у рисовых полей. Звук тамтамов был слышен здесь отчетливо и ясно.

Джонатан привязал кобылу и где бегом, а где осторожным торопливым шагом преодолел последние полмили. Добрался почти до самой рощи, здесь залег и, не желая привлекать к себе внимание, пополз. Выбрался на опушку и замер.

Они танцевали. Отдельные па этих танцев Джонатан иногда наблюдал на Рождество, когда каждый раб дома Лоуренсов получал свои четыре пинты тростникового рома. Напившись, рабы собирались в кружок и хором пели псалмы во славу Иисуса, но в какой-то момент становились практически неуправляемыми, начинали почти открыто передразнивать господ, затевали драки друг с другом, а порой и танцевали почти так же, как сейчас.

Вот именно, что почти... Джонатан во все глаза смотрел на своих рабов и не узнавал их. Во-первых, они все были совершенно трезвы, и от этого их движения были точны и собраны. А во-вторых, – Джонатан растерянно хлопал глазами, – в том, что они делали, не было ни малейшего шутовства; они танцевали с полной отдачей и всерьез.

Сначала мужчины шли по кругу, один за другим, и движения каждого были абсолютно согласованы с движениями остальных, но затем что-то изменилось, круг рассыпался, и в центре огромной поляны появилось странное существо.

Конечно же, это был человек, но тот, кого он изображал,

менее всего был похож на человека. Покрывающие черное потное тело зигзагообразные узоры наводили на мысли о нездешних хищниках, а движения были замедленны и властны.

Танцор плавно прошел по краю поляны, распуская обступивших ее зрителей, а затем присел возле зарослей терновника и буквально исчез, растворился – так, словно его здесь никогда и не было. И тогда на поляну выскочил совершенно другой персонаж. Его лицо и кисти рук были покрыты белой глиной, на голове колыхалась соломенная шляпа с загнутыми вверх полями, на шее болталась алая тряпка, а в руке красовалась трость. Он важно прошел в центр, залихватски крутанул тростью, и Джонатан вдруг с ужасом узнал в этом движении характерный жест своего отца!

Это уже точно не было шуткой, но едва быстро наполняющийся бешенством Джонатан стал подниматься, как на поляне снова объявился разрисованный под неведомого зверя танцор, в следующий миг в его руках оказался огромный нож, а еще через долю секунды он повалил «сэра Джереми» на землю и взмахнул рукой.

Невидимые с такого расстояния зрители закричали столь яростно и поощрительно, что никаких сомнений в их симпатиях более не оставалось. «Зверь» поднял с земли бог весть как оказавшуюся там и явно символизирующую голову Джереми Лоуренса тыкву, нахлобучил на нее соломенное подобие шляпы и понес ее по кругу.

Джонатан задохнулся от ярости, вскочил и бросился вперед.

Он не успел пробежать и десятка шагов, как от ближайших кустов отделилась тень, Джонатана повалили на землю и, зажав рот рукой, потащили прочь. Он попытался вывернуться, ударил наглеца в лицо, нащупал мокрый рот, попытался достать пальцами глаза, но его скрутили еще сильнее – не пошевелиться.

– Нет, масса Джонатан, нет! Не сейчас! – яростно зашептали ему в ухо.

«Платон?» – на мгновение оторопел Джонатан и, осознав, что его скрутил собственный раб, совершенно рассвирепел.

Он бился, как в эпилептическом припадке, выкручивался налимом, отчаянно мычал и даже сумел укусить зажавшую рот огромную ладонь, но все было бесполезно: раб упрямо тащил его прочь от рощи. И только в полумиле, уже на пустых полях скошенного тростника, Платон внезапно остановился, осторожно ослабил хватку и тут же рухнул на колени.

– Простите меня, масса Джонатан!

Джонатан брезгливо встряхнулся и, стиснув зубы, прошипел:

– Вернемся, пойдешь к шерифу.

– Слушаюсь, масса Джонатан! – склонился еще ниже старый негр.

– Скажешь, тридцать девять плетей.

– Скажу, масса Джонатан!

Джонатан покачал головой и отвернулся в сторону багровеющего востока. Он все еще был рассержен, хотя уже чувствовал, что Платон прав, и обнаруживать себя на этом языческом шабаше не следовало. Но не признаваться же в этом рабу...

– Можно сказать, масса Джонатан? – внезапно раздалось позади, и Джонатан повернулся.

Платон так и стоял на четвереньках, уткнувшись головой в сухую траву.

– Что еще?

– Вы их обязательно подчините себе, масса Джонатан, – пробубнил в землю Платон.

– Что-о-о? – не понял Джонатан.

– Да, масса Джонатан, – все так же не поднимаясь с колен, пробубнил Платон. – Они уважают силу, а вы – настоящий колдун.

– Что-о?! – аж подпрыгнул Джонатан.

– Только очень большой колдун может иметь столько кукол! – убежденно произнес старый негр.

Джонатан на секунду оторопел, растерянно заморгал и, только когда до него дошло, что имеет в виду Платон, расхохотался.

– А еще... что... скажешь?! – чуть не захлебываясь, пробубльнул он.

Платон осторожно приподнялся с земли и, словно не веря, что настроение хозяина переменилось, тихо добавил:

– А еще я скажу, что они не верят, что сэра Джереми убил белый.

Внутри у Джонатана словно что-то оборвалось, а горло мгновенно пересохло. Это он и сам видел.

– А что они говорят? – еле выдавил он.

Платон облизнул губы.

– Они думают, что его убил черный дьявол.

«Так оно и есть», – вспомнил Джонатан стоящую у него в спальне голову и вдруг успокоился.

– И что же делать? – сам удивляясь тому, что ведет этот странный разговор, спросил он и уселся рядом с Платоном.

– Сначала вы должны убить Джудит Вашингтон.

Джонатан оцепенел. Ничего более наглого он не мог себе представить.

– Я? – резко повернулся он к рабу. – Я – должен?! Кому я должен? Тебе?!

– Нет, масса Джонатан, – раб пригнулся к земле еще ниже. – Но она – семя Лоуренсов. Это все знают. А теперь каждый ниггер на плантации может ей ноги раздвинуть! Убейте ее, масса Джонатан!

Джонатан упрямо поджал губы и уставился на линию багровеющего горизонта, но вскоре печально склонил голову. Его прекрасные мечты о гармоничной жизни с рабами в едином, теплом и уютном мире рушились, словно карточный домик. Полевые негры с животным наслаждением разыграли сцену убийства его отца, а домашний, самый преданный раб

посчитал его колдуном и затем из лучших побуждений посоветовал ему убить другую рабыню – только за то, что она слишком похожа на своего господина. Что-то в этом мире шло не так.

«Надо было сразу ее продать!» – с тоской подумал Джонатан о Джудит и понял, что остро хочет лишь одного – вернуться к своим куклам.

* * *

Преподобный Джошуа Хейвард пробился к юному сэру Лоуренсу лишь с четвертой попытки. Всю неделю старый Платон говорил ему всякую ерунду: «масса Джонатан приболел», «масса Джонатан в отъезде», «...не принимает», «...не может», и лишь когда преподобный окончательно рассвирепел и пригрозил рабу отлучением от причастия, тот сдался и провел его в дом. Долго стучал в темную дубовую дверь, затем начал слезно упрашивать «масса Джонатана» открыть, наконец где-то через четверть часа загремел ключ, и дверь приоткрылась.

Преподобный вошел в практически темную из-за плотных бархатных штор спальню и, нащупав рукой стул, присел. Он уже понял, что юный сэр Лоуренс опять возится со своими куклами, а когда глаза понемногу привыкли к темноте, увидел их, без числа расставленных по всему ковру.

– Что на этот раз, Джонатан? – скорбно поинтересовался

преподобный.

– Троянская война.

– А когда делом займешься? На тебе ведь все хозяйство. За этими канальями глаз да глаз нужен.

– Я не знаю, что делать, – тихо ответил парень и поднял на священника полные слез глаза. – Я хочу, чтобы все было как в книгах Аристотеля. Я бы о них заботился, они бы мне служили... а они такие...

Преподобный понимающе кивнул головой.

– Я знаю черных, сынок. А ты, вместо того чтобы здесь прятаться, лучше бы сказал мне.

– И что?

– Слово Божие все может, – значительно закивал преподобный. – И уж на земле ему преград нет, это точно!

* * *

Тем же вечером, сразу после работы, вместо ужина всех успевших окреститься черных рабов под угрозой наказания плетью погнали за девять миль в город, завели в храм, и никогда еще, пожалуй, преподобный Джошуа Хейвард не был столь красноречив и убедителен.

– Слушайте меня, вы, неисправимые грешники! – потрясая руками, обвиняюще возвысил он голос. – Ваши сердца заполнены всякой скверной, и дьявол соблазняет вас!

Рабы начали растерянно переглядываться.

– Бог рассержен на вас и, конечно же, накажет, если вы не оставите ваши дурные пути!

Рабы дружно опустили глаза. Они еще не знали, куда клонит преподобный, но уже предчувствовали, что сегодняшняя проповедь обязательно кому-нибудь выйдет боком – или к шерифу пошлют, или прямо на месте накажут.

– Вместо искреннего служения вашему доброму господину вы, праздные, уклоняетесь от вашей работы! – прямо обвинил их преподобный и окинул поникшие курчавые гривы тяжелым, все запоминающим взглядом. – Но Бог видит вас!

Негры, все как один, затаили дыхание и втянули головы в плечи.

– Вы лжете! – уличающе ткнул пальцем вперед преподобный. – Но Бог слышит вас!

Рабы сгорбились еще сильнее.

– О, развратные сердца! – с внезапно прорезавшейся болью почти прорыдал преподобный. – Когда работа для вашего господина сделана, собираетесь ли вы вместе, чтобы с трепетом душевным поговорить о совершенстве Отца Нашего Небесного?

По храму прошел невнятный шепоток.

– Не-ет! – качая головой, саркастично протянул преподобный. – Вы ссоритесь и собираете всякие бесовские коренья, чтобы закопать их под порогом соседа и навести порчу на ближнего своего!

Негры тут же смолкли, и стало ясно, что священник попал

в точку.

– А вместо поклонения Господу прячетесь по темным углам и швыряете бобы с безбожным предсказателем или кидаете карты с какой-нибудь старой ведьмой!

Преподобный на секунду приостановился, чтобы перевести дыхание, а в храме воцарилась такая тишина, что он слышал даже ток собственной крови в висках.

– Но Бог видит вас!

Кое-кто в толпе мелко перекрестился.

– Оставьте ваши греховные пути! – укоризненно покачал головой преподобный. – Да, ваш добрый господин сэр Джонатан Лоуренс не всегда может выяснить, где вы и что вы делаете, но Бог-то видит вас, и уж он-то обязательно накажет!

Негры зашевелились. Наконец-то всем стало понятно, чего именно хочет от них преподобный, и, словно подтверждая эту догадку, тот уже более миролюбиво завершил:

– Ибо если вы не повинуетесь вашему земному владельцу, вы тем самым оскорбляете и вашего небесного Владыку.

* * *

Джонатан видел, как торопливо, почти бегом возвращаются с проповеди рабы. Он знал, что они рвутся к сооруженным для них «яслям», где уже второй час их дожидается остывшая каша. Не пройдет и трех минут, как они похвалят заменяющие им ложки отливающие перламутром створки

речных мидий и, словно дикие животные, отталкивая друг друга, набросятся на еду. А потом, набив животы, разбредутся по своим хижинам и в лучшем случае постараются до утра забыть и про преподобного, и про своего господина, и даже про Бога, а в худшем... в худшем – выберутся в рощу и станцуют о своих господах что-нибудь издевательское.

Джонатан скрипнул зубами. В этом и была главная проблема. Он и его рабы сталкивались ежедневно; они на него работали, он их кормил и опекал, но душевно они словно жили на далеких, разделенных океаном островах.

К сожалению, он не мог их посадить за один стол с собой, как советовал мудрый Сенека, – даже самых благонравных. Это еще было бы возможно, если бы рабов было два-три десятка, но когда их три с половиной сотни... Они и веру-то Христову не все приняли, так и живут язычниками, чуть ли не половина.

Джонатан отвернулся от окна, и его взгляд упал на книги. Ах, если бы он мог донести до негров хотя бы одну тысячную долю накопленных человечеством познаний! Так, чтобы его Платон ничуть не уступал своему многомудрому тезке. Сколь благочинной и добронравной стала бы окружающая его жизнь – воцарился бы воспетый древними Золотой век.

«А что, если попробовать? И начать с самых простых вещей: постоянные проповеди у преподобного, нравоучительные беседы, домашний театр, наконец... Театр! Как в Древнем Риме!»

Сердце Джонатана подпрыгнуло и заколотилось изо всех сил. Древние мудрецы снова подсказали ему самый верный выход из положения! Ибо все, что он хочет им сказать, все, что вообще можно сказать невежественному человеку, следует говорить простым, доступным для его разума языком – языком самих жизненных ситуаций. Для этого годились даже его куклы.

Джонатан бросился к письменному столу, выхватил из стопки чистый бумажный лист, открыл крышечку чернильницы, заострил перо и за считанные минуты набросал небольшую простую пьесу. Мгновенно разыграл ее со своими куклами и тут же понял: не то! Куклы были слишком уж малы, чтобы все триста пятьдесят человек, пусть и разбитые на группы, могли увидеть представление. Куклы должны быть крупнее, хотя бы раз в пять-шесть.

Он с отчаянием скользнул глазами по бюстам Цезаря и Декарта, уткнулся взглядом в черную высохшую голову Аристотеля Дюбуа, и тут его озарило! Он схватил колокольчик и вызвал Платона. Попытался объяснить ему, чего хочет, не сумел и тогда просто приказал ему привести несколько самых толковых негров: Сесилию, Абрахама с конюшни, да хоть ту же Джудит Вашингтон, наконец!

* * *

Дело пошло сразу. Через четверть часа у ведущей на зад-

ний двор лестницы собрались восемь человек, в основном из домашней прислуги. Джонатан быстро расставил их в тщательно продуманном порядке и начал объяснять.

– Значит, так, Сесилия, ты у нас будешь праведницей.

– Как это праведницей? – мгновенно вспотела тучная кухарка. – В церковь, что ли, каждый день ходить? А как же моя кухня?!

– Заткнись и слушай! – раздраженно оборвал ее Джонатан. – А будешь спорить, на плантацию отправлю.

Сесилия охнула и зажала рот пухлыми руками.

– А ты, Абрахам, – повернулся он к испуганному помощнику старшего конюха, – будешь развратником и бездельником.

Абрахам выпучил глаза и облизнул массивные, выпуклые губы.

– Может, лучше сразу к шерифу? А-а... масса Джонатан?

– Будешь возражать, точно отправлю. – Он повернулся к Платону. – Кстати, ты почему Джудит не привел?

Тот потупился.

– Ну? – сразу почуял неладное Джонатан. – Что случилось?

– Пропала Джудит, – выдавил Платон. – Пошла на проповедь и не вернулась.

– Сбежала?! – оторопел Джонатан.

– Не могу сказать, масса Джонатан, – развел руками Платон. – Может, и сбежала, а может, к утру вернется. Наши де-

вушки иногда пропадают... ненадолго.

«Наши девушки... он сказал – наши девушки», – повторил про себя Джонатан еще и еще раз и неожиданно понял, что так и не может решить, кем считать Джудит Вашингтон. Эта мулатка нигде не считалась до конца своей.

«Вернется к утру, прощу, – решил Джонатан. – А не вернется, ей же хуже!» Повернулся к застывшим рабам и расстроенно махнул рукой:

– Разойтись. Завтра продолжим.

* * *

Ни завтра, ни даже послезавтра он к мыслям о театре не возвращался – было не до того. Джудит ни на работе, ни в деревне не появилась, и Джонатан, переполненный самыми противоречивыми чувствами, поручил Томсону разместить в газетах объявление о поимке. Но спокойнее ему от этого не стало; Джонатан почти перестал читать, не выезжал поутру на плантации, и даже страстно любимые куклы уже не вызывали в нем прежнего интереса.

Разумеется, рабы сбегали у них и раньше, но никогда это не задевало Джонатана так сильно, – может быть, потому, что Джудит была первой рабыней, сбежавшей лично от него.

Впрочем, было и еще кое-что. Порой Джонатан серьезно задумывался над тем, кто же Джудит на самом деле. Да, она была прямым потомком согрешившего перед Господом Ха-

ма, сына Ноя. Да, сегодняшнее полуживотное существование черного потомства Хама – не чья-то прихоть, а справедливо предписанное Господом наказание.

Беда только в том, что на три четверти Джудит была белой, а значит, на три четверти она несла в себе еще и кровь Иафета, другого сына Ноя, ни в чем не повинного и ставшего прародителем всей белой расы. И Джонатан не знал, должны ли эти три четверти праведной крови испытывать ту же судьбу, что и остальная грешная четверть.

Он так много думал об этом, что в конце концов совершенно запутался и вдруг понял: если он и дальше будет заботиться о пустом и оставлять без внимания главное, его поместье вскоре будет ничем не отличимо ото всех остальных, а все его мечты о создании маленькой гармоничной «республики», настоящей римской «фамилии», где все любят и уважают всех и где самый последний раб гордится своей принадлежностью к поместью Лоуренсов, потерпят сокрушительное поражение.

Как только Джонатан это осознал, он решительно отбросил все мысли о Джудит и вернулся к своему главному замыслу – домашнему театру. Едва спадала жара, Платон собирал для него всех свободных от срочных работ домашних негров, и они произносили реплики и занимали позиции, а Джонатан смотрел, записывал, вносил поправки и думал... очень много думал.

Лишь немногие из рабов по-настоящему годились для

исполнения написанной им пьесы. Они смущались, потели и категорически не понимали ни цели, ни смысла того, к чему он их готовил. И только спустя неделю тщательно отобранные им пятеро самых толковых негров привыкли к мысли, что всеобщего позора не избежать, а им, хочешь не хочешь, придется принимать эти вычурные позы и говорить эти странные, редко встречающиеся в обыденной жизни фразы. Когда второй урожай тростника был собран, Джонатан поручил Томсону пригласить плотников для сооружения сцены и объявить всеобщий сбор на деревенской площади.

* * *

Ничего более сложного в его жизни еще не было. Надсмотрщики сбились с ног, вылавливая и отводя на площадь группу за группой, и все равно из рассеянных по всему поместью трехсот пятидесяти шести человек загнать на площадку перед деревянным помостом удалось не более трехсот двадцати. Остальные просто попрятались.

Впрочем, удивляться этому не приходилось. Трудно сказать, что именно подумали простые «полевые спины», впервые увидев завешанный полотном со всех сторон дощатый помост, но по их встревоженному гудению и перепуганным лицам угадывалось – ничего хорошего.

Джонатан уселся на специально принесенное для него кресло в первом зрительском ряду, дождался, когда над-

смотрщики – все, как один, крепкие, зрелые мужчины – по очереди подошли к нему и доложили, что собрали всех, кого сумели отловить, и подал сигнал домашним колокольчиком. И тогда закрывающее помост полотно разъехалось в разные стороны, и на помосте оказались четверо негров: толстая Сесилия, Цинтия, вертлявый десятилетний поваренок Сэм и помощник конюха Абрахам.

Рабы замерли, и над площадью воцарилась действительно мертвая тишина. Толстая Сесилия бросила в сторону сидящего в первом ряду сэра Джонатана панический взгляд, и он ободряюще кивнул.

– Я чищу кастрюли и мою посуду, – прикрыв от ужаса глаза, жалобным тоненьким голосом начала толстуха. – Подобно муравью Эзопа, я всю свою жизнь провожу в трудах и заботах...

Джонатан улыбнулся. Его старания не прошли даром, и если бы не этот жалобный голос глубоко несчастного человека, Сесилия была бы безупречна.

– Я люблю моего господина, – чуть ли не прорыдала кухарка и молитвенно сложила большие пухлые руки на огромной груди, – и точно знаю: на небесах мне воздастся за все.

Сесилия смолкла, едва не потеряв сознание от волнения. Рабы стали переглядываться. Они так и не могли сообразить, к чему клонит эта толстуха; к тому, что другие работают хуже, чем она?

Джонатан перевел взгляд на Абрахама, но помощник ко-

нюха выглядел так, словно проглотил жердь, и явно не мог издать ни звука. Джонатан на секунду нахмурился, но тут же сообразил, что разбираться в причинах задержки некогда, а представление следует вести дальше, и кивнул поваренку Сэму.

– Я делаю все, что скажут! – с готовностью затараторил мальчишка. – Я послушный и добрый раб! И когда пробьет мой час, мне будет что сказать архангелу Гавриилу!

«Слишком торопится!» – досадливо цокнул языком Джонатан, снова глянул на Абрахама, понял, что с того никакого толку не будет, и подал неприметный знак пожирающей его глазами Цинтии.

Та вздрогнула, мгновенно опустила глаза в дощатый пол и тихо, но внятно произнесла:

– Я ленива по моей природе. Я не люблю работу и очень люблю отдохнуть в теничке. Мне нравятся парни и совсем не нравится молиться Богу.

Рабы за спиной Джонатана встревоженно зашептались. Они так и не могли понять, с какой стати Цинтия публично признается в своих грехах. И только тогда словно проснувшийся Абрахам с отчаянием в голосе выпалил:

– Я развратный и лукавый ниггер!

Джонатан удовлетворенно хмыкнул. Получалось вовсе не так уж плохо, а главное, вполне искренне.

– Я живу одним днем! – с нарастающим отчаянием добавил Абрахам. – И я только и думаю о том, как обокрасть мо-

его хозяина и напиться рому!

Рабы, ошеломленные, замерли и один за другим опустили глаза. Они поняли, что прямо сейчас состоится показательная публичная экзекуция, и уж Абрахама точно забьют до полусмерти.

– Смотреть! – бдительно заорали с флангов надсмотрщики. – Всем смотреть! Поднять морды! Кому сказано – поднимать!

И вот тогда из-за матерчатых кулис степенно вышел обернутый в белую простыню и вымазанный мелом с головы до щиколоток Платон.

Рабы снова замерли. Джонатан давно подметил, что этот издавна приближенный к семейству Лоуренс раб вызывает у остальных негров сложную смесь уважения и страха, и только поэтому и поручил ему наиболее ответственную со всех точек зрения роль.

Платон поднял до того прикрытую простыней руку, и в ней оказался выкрашенный ярко-оранжевой охрой деревянный меч.

– Пробил час расплаты! – веско произнес он, глядя прямо перед собой. – Я – архангел Гавриил, и я пришел за вами! Трепещите!

Джонатан улыбнулся. Он знал, это кульминационный момент, и именно сейчас до рабов должен дойти смысл всей постановки.

– Вы, праведные и кроткие, – махнул Платон свободной

рукой в сторону Сэма и Сесилии, – будете жить в раю!

«Хорошо! – поощрительно улыбнулся Джонатан. – Очень хорошо!»

– А вы, развратные и лукавые рабы, – поочередно ткнул он деревянным мечом в Абрахама и Цинтию, – падете в ад и будете вечно вариться в кипящей смоле!

Наступила такая тишина, что Джонатан слышал даже жужжание кружащих над толпой слепней. Кто-то из женщин истерически всхлипнул, но в целом – никакой реакции. Джонатан привстал и обернулся.

Рабы стояли, приоткрыв рты и напряженно всматриваясь в своих замерших на сцене соплеменников. Они видели, что это не проповедь; они уже догадывались, что никого наказывать не будут, но сообразить, что увиденное представление по своей сути то же самое, что и тайное танцевальное действо в ночной роще, не могли.

Губы Джонатана дрогнули, а глаза стали туманиться из-за набежавших слез: его прекрасная идея натолкнулась на абсолютное непонимание и уже грозила закончиться полным провалом. А негры все молчали и молчали. Он всхлипнул, обреченно махнул рукой, как вдруг толпа охнула и отшатнулась.

Джонатан судорожно смахнул слезы рукавом. Рабы – все как один – стояли с выпученными глазами и открытыми от ужаса ртами. Джонатан протер глаза еще тщательнее и невольно потряхнул головой. Он ничего не понимал!

– То же самое хозяин сделает и с вами! – внушительно произнес за его спиной Платон, и тогда кто-то пронзительно закричал, толпа дрогнула, словно была одним неразделимым целым, отшатнулась и тут же заорала сотнями глоток и рассыпалась на отдельные, беспорядочно снующие элементы.

Джонатан обернулся и остолбенел. Платон так и стоял с обнаженным, покрытым оранжевой охрой деревянным мечом в правой руке, а в левой держал за волосы высушенную голову Аристотеля Дюбуа.

* * *

Первым ему нанес визит преподобный. Он сдержанно похвалил молодого сэра Лоуренса за общую глубоко верную мысль представления, а затем начал долго и нудно объяснять, что как хозяин Джонатан, разумеется, имеет право на разумную твердость в отношении наименее послушных рабов, но демонстрировать отрезанную голову все-таки было как-то не по-христиански.

– Это Аристотель, – не отрываясь от своих кукол, тихо произнес Джонатан. – Тот самый, что убил отца... я его на островах нашел.

Преподобный Джошуа побледнел и на время потерял дар речи.

– Ну да, конечно, – спустя бесконечно долгие четверть минуты произнес он. – Правосудие есть правосудие. Да, и отец,

конечно... Извините.

– Не стоит извиняться, ваше преподобие, – покачал головой Джонатан. – Вы абсолютно правы, и я постараюсь быть хорошим христианином сам и донести до моих негров то, что заповедал нам Иисус.

Затем юного Лоуренса навестил шериф, но в отличие от преподобного он никаких нотаций не читал, а только сухо, почти официально известил, что, хотя по «Черному кодексу» на негров, как и на прочее имущество граждан Американских Штатов, никакие из гражданских прав не распространяются, лично он, шериф округа, глумление над трупами не приветствует.

– Все просто, Джонатан, – устало потирая грудь в районе сердца, произнес шериф Айкен. – Хотите наказать – отдайте его мне. Или даже спалите его при всех на центральной площади. Но останки следует зарыть. И вообще, что это за сборище вы устроили? Нет-нет, я все понимаю, – предупреждая возражение, поднял руку шериф, – и надсмотрщики рядом стояли, и время было еще дневное... но триста пятьдесят ниггеров на одной площадке собирать? Вы хоть понимаете, как это опасно? И уж тем более не следовало позволять этому вашему Платону брать голову убитого в руки. Понимаете?

Джонатан кивнул: конечно же, он понимал, что за самоволие следует наказывать. Иначе просто не отправил бы Платона к констеблю с запиской на тридцать девять плетей. Но,

проводив шерифа до дверей, он вернулся назад в свою комнату, упал на кровать, заложил руки за голову и расплылся в мечтательной улыбке.

Да, поначалу он буквально озверел от столь нагло нарушенного финала его до последней запятой продуманной пьесы. Но уже на следующий день после представления, когда он выехал на плантации, все рабы до единого склонялись к земле, а когда он с ними заговаривал, преданно улыбались и пытались хоть как-нибудь да услужить. И вот тогда Джонатан понял: только так все и должно было закончиться!

Его «артисты» – безграмотные, стыдящиеся того, что делали, простые домашние рабы в принципе не были пригодны для полноценной реализации его тонкого и многогранного замысла. Вечное смущение Сесилии, опущенные вниз глаза Цинтии, торопливость поваренка Сэма и уж тем более скованность конюха Абрахама практически свели на нет всю художественную силу пьесы. И только черная высохшая голова Аристотеля Дюбуа сыграла свою роль точно и абсолютно хладнокровно. Просто потому, что куклам неведомы ни смущение, ни страх. Потому что кукла в отличие от человека не лжет и ничего не перевирает, а просто и ясно выражает самую суть вложенного в нее мастером образа.

* * *

На следующий день после визита преподобного к Джона-

тану в город прибежал мальчишка-посыльный, который передал «масса Джошуа» нижайшую просьбу всех ста пятидесяти двух пока еще некрещеных рабов плантации как можно скорее взять их под защиту белого Бога Иисуса и всей христианской церкви.

Преподобный был ошарашен. Даже проповеди купленного им по дешевке Томаса Брауна не давали такого разительного результата. Но затем он вспомнил свою недавнюю проповедь и последний, весьма серьезный разговор с юным сэром Джонатаном и удовлетворенно улыбнулся. Его труды не пропали втуне!

Он отправил мальчишку назад и тем же вечером съездил к мистеру Томсону, после недолгих препирательств обговорил размеры пожертвований семейства Лоуренс епископальной церкви за предстоящее в ближайшее воскресенье сразу после окончания уборки тростника массовое крещение их черных подопечных.

* * *

К следующему воскресенью сурово наказанный у констебля Платон уже понемногу начал ходить. Он даже попытался подменить Цинтию и принести хозяину кофе с ромом, но подняться по лестнице так и не сумел, и Джонатан впервые увидел его, лишь когда решил посмотреть, как будут крестить его рабов.

– Платон? – удивился юный сэр Лоуренс. – Ты здесь?

– Что прикажете, масса Джонатан? – склонился раб.

«Что прикажу?»

Джонатан задумался. События последних дней отчетливо показали преданность, а главное, явную полезность этого раба.

– Жди меня в доме.

* * *

Когда Джонатан подъехал к месту крещения, обряд был в полном разгаре. Полторы сотни женщин, мужчин и детей стояли по грудь в теплой мутной воде мелкой извилистой протоки и напряженно внимали преподобному Джошуа Хейварду.

– А теперь повернитесь на запад и трижды плюньте в нечистого! – громко провозгласил стоящий на берегу преподобный.

Негры, с трудом выдирая ноги из илистого дна, стали медленно поворачиваться лицом к поместью и вдруг один за другим замерли.

– Мы не можем туда плюнуть, масса Джошуа, – боязливо произнес кто-то. – Там наш хозяин...

Преподобный рассвирепел.

– Вот ведьмино племя! Не вы ли просили меня окрестить вас? А теперь от лукавого отречься не желаете?!

– Там правда наш хозяин, – возразил тот же голос.

Преподобный побагровел, но бросил взгляд на запад и все понял. С берега круто разворачивающейся протоки на своих рабов смотрел, сидя на черном жеребце, сэр Джонатан Лоуренс.

– Уйдите оттуда, Джонатан! – замахал преподобный рукой. – Не мешайте!

Джонатан кинул в сторону замерших, остановленных на половине обряда рабов еще один взгляд, рассмеялся и прищипил коня. Только что он ясно понял, что именно следует делать дальше.

* * *

Он примчался домой, вбежал в кабинет, сел за письменный стол и схватил перо. Факты были ясны и просты.

Было совершенно очевидно, что природная склонность негров ко всякому греху, в том числе и двум главным: греху язычества и непослушания своим господам – переходит к ним прямо по крови, от отца к сыну и от матери к дочери.

Однако не мог быть подвергнут сомнению и тот факт, что крещение, причастие и регулярная проповедь оказывали существенное влияние на грех идолопоклонства, и каждое последующее поколение негров все реже обращалось к прежним языческим суевериям и все чаще приходило в храм божий. То есть возникала прежде не бывшая тяга к праведной

жизни!

И только со вторым грехом все складывалось совершенно иначе. Все соседи Джонатана в один голос твердили – каждое новое поколение рабов ощутимо хуже предыдущего. Это выглядело так, словно хорошее знание языка и обычаев белого человека только добавляет неграм дерзости и склонности к бунту!

Из-за этого некоторые утверждали, что все черные уже по своей природе ненавидят белых, и именно в этом корень всех зол. Но Джонатан совершенно точно знал, что все это – ложь, и дело не в том, что негры испытывают природную неприязнь к белому человеку как таковому, а в том, что у них по унаследованной от Хама природе нет склонности к скромному поведению и почтительному отношению к господам! И вовсе не ненависть в их природе, а доставшееся от Хама непочтение.

Именно поэтому чем ближе они становятся к своим хозяевам, тем ярче это проявляется. Совершенно так же, как всхожесть картошки тем хуже, чем ближе она посажена к дубу.

Древние римляне не знали этой проблемы, но это было объяснимо: большинство рабов было из франков, галлов и прочих племен, берущих свое начало от праведного Иафета, а потому отнюдь не безнадежных. И только американцы, вместо того чтобы обратить свои взоры к опыту предков, повезли своих рабов из Африки. И теперь за это приходилось

платить.

Джонатан вздохнул и отложил перо. Стоящая перед ним задача не была такой уж простой, ибо только что он вознамерился изменить саму природу потомков согрешившего перед Господом Хама.

* * *

Тем же вечером Джонатан пригласил из города плотника и, выдав ему тридцать долларов как аванс и объяснив задачу, переключился на эскизы костюма. Долго и трудно размышлял, перепортил массу бумаги и переломал добрый десяток перьев, но к окончательному решению прийти так и не смог.

Одевание новой, задуманной им в человеческий рост куклы должно было отражать внутренний мир грядущего потомка Хама, преображенного смирением. Но как это сделать? Обычная одежда раба – полотняные штаны – не годилась, ибо ничего нового в себе не несла. Но так же немислимо было одеть куклу в костюм белого человека – Джонатан абсолютно не желал вкладывать в головы негров ненужные идеи!

Джонатан провозился до ночи, но так ни к чему и не пришел, а потом в дверь постучали, и он, разрешив зайти, с недоумением увидел перед собой Платона.

– Что еще?

– К вам пришли женщины, масса Джонатан, – удовлетво-

ренно улыбнулся раб.

– Что еще за женщины? – удивился Джонатан. – Откуда? Из города?

– Нет, масса Джонатан, с плантации.

Джонатан криво улыбнулся. На его памяти рабы с плантации приходили в этот дом без приглашения только один раз – давным-давно, когда он еще был ребенком. Он и поныне не знал, в чем была суть проблемы, но прекрасно запомнил переполнившее отца раздражение.

– Ладно, сейчас, – старательно подавляя в себе сходные чувства, поднялся он из-за стола. – Только не надо вести их сюда; пусть на заднем дворе подождут.

– Слушаюсь, масса Джонатан, – склонился старик.

Джонатан застегнул сорочку, глянул в зеркало, взял косяной гребень, аккуратно, так чтобы пробор был ясно виден, причесался. Неторопливо прошел по прохладному коридору, степенно спустился по лестнице и распахнул дверь.

Их было шестеро, смазливых, несмотря на худобу, мулаток от двенадцати до пятнадцати лет. И они стояли напротив крыльца, потупив глаза и одинаково сложив тонкие смуглые руки на плоских животах.

– Зачем пришли? – прямо спросил Джонатан.

Две самые высокие мулатки переглянулись.

– Ну? Говорите.

Наступила долгая, неприятная пауза, и наконец та, что выглядела постарше, отважилась и подняла глаза на хозяина.

– Масса Джонатан хочет девочку?

Джонатан оторопел.

– Ну-ка, ну-ка, еще раз... Я что-то не пойму.

Девчонка мгновенно побледнела и стала какой-то серой.

– Просто люди подумали... может быть, Цинтия вам больше не нравится, масса Джонатан, и вам другая девочка нужна. Вот мы и пришли.

Джонатан растерянно молчал, но вдруг все понял. Занявшись более важными делами, он и впрямь на какое-то время почти забыл про Цинтию и вместо обычных пяти-шести встреч в сутки вполне удовлетворялся одной.

«Но откуда им известно? Да и какое им дело?»

Джонатан повернулся и с подозрением уставился на замершего позади Платона.

– Твоя работа?

– Нет, масса Джонатан, – окаменел тот. – Я бы не посмел.

Джонатан вздохнул. Это была чистая правда; Платон и впрямь никогда не вмешивался в господские дела, иначе не продержался бы в этом доме и недели. Он снова повернулся в сторону мулаток, на секунду задержался взглядом на той, что стояла позади остальных, и махнул рукой:

– Ничего мне не нужно. Уходите.

Повернулся, хлопнул дверью и, только подойдя к лестнице, приостановился. Сзади отчетливо слышалось тяжелое дыхание Платона.

– Что тебе? – резко обернулся он.

– Я могу сказать, масса Джонатан? – молитвенно сложил руки на груди раб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.